
INSPIRIA
ОЛЬГА РАВН
ПЕРСОНАЛ
Shortlisted
The
International
Booker
Prize

INSPIRIA

Персонал
Ольга Равн

Аннотация
Ольга Равн. Персонал
Свидетельство 004
Свидетельство 012
Свидетельство 006
Свидетельство 002
Свидетельство 014
Свидетельство 015
Свидетельство 011
Свидетельство 013
Свидетельство 010
Свидетельство 019
Свидетельство 021
Свидетельство 018
Свидетельство 022
Свидетельство 029
Свидетельство 024
Свидетельство 030
Свидетельство 027
Свидетельство 026
Свидетельство 033
Свидетельство 031

Свидетельство 044
Свидетельство 034
Свидетельство 037
Свидетельство 035
Свидетельство 038
Свидетельство 040
Свидетельство 046
Свидетельство 041
Свидетельство 047
Свидетельство 042
Свидетельство 052
Свидетельство 055
Свидетельство 049
Свидетельство 057
Свидетельство 048
Свидетельство 053
Свидетельство 054
Свидетельство 056
Свидетельство 061
Свидетельство 054
Свидетельство 062
Свидетельство 057
Свидетельство 063
Свидетельство 058
Свидетельство 064
Свидетельство 067

Свидетельство 066
Свидетельство 068
Свидетельство 069
Свидетельство 071
Свидетельство 073
Свидетельство 077
Свидетельство 081
Свидетельство 075
Свидетельство 076
Свидетельство 078
Свидетельство 080
Свидетельство 083
Свидетельство 084
Свидетельство 085
Свидетельство 089
Свидетельство 091
Свидетельство 092
Свидетельство 097
Свидетельство 098
Свидетельство 099
Свидетельство 104
Свидетельство 106
Свидетельство 102
Свидетельство 114
Свидетельство 115
Свидетельство 113

Свидетельство 116
Свидетельство 117
Свидетельство 118
Свидетельство 119
Свидетельство 120
Свидетельство 125
Свидетельство 127
Свидетельство 128
Свидетельство 129
Свидетельство 134
Свидетельство 138
Свидетельство 140
Свидетельство 148
Свидетельство 153
Свидетельство 158
Свидетельство 159
Свидетельство 160
Свидетельство 163
Свидетельство 164
Свидетельство 165
Свидетельство 169
Свидетельство 172
Свидетельство 174
Свидетельство 175
Свидетельство 177
Свидетельство 178

Свидетельство 179
ДОПОЛНЕНИЕ

Аннотация

Шорт-лист Букеровской премии.

«Солярис» Станислава Лема встречает «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза.

На борту корабля «шесть тысяч», где живут герои, происходят загадочные события. Команда корабля, состоящая из людей и гуманоидов, трудится вместе, выполняя рутинные задачи.

К тому времени, когда журнал бортовых записей доходит до нас, происходит что-то непоправимое. Экипаж берет на борт несколько странных объектов с планеты Новоеоткрытие. Объекты вызывают «постоянные отклонения» у сотрудников. Построенная как серия свидетельских показаний, составленных комиссией на рабочем месте, проза Равн – это попытка понять, что произошло.

«Персонал» исследует, что значит быть человеком эмоционально и онтологически, одновременно подвергая критике жизнь, которой управляет работа и логика производительности.

Ольга Равн
Персонал

Olga Ravn
DE ANSATTE
© Olga Ravn & Gyldendal, Copenhagen 2018. Published by agreement with the Gyldendal Group Agency and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency

Перевод с датского *Анны Рахманько*

В оформлении переплета использован фрагмент репродукции картины «Прачка» художника Жана-Батиста Грёза (1725–1805): Everett Collection / Shutterstock.com и иллюстрации: © Sergio Lucci, Castleski / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне переплета: © Hurski Anton / Shutterstock.com

В оформлении форзаца использован коллаж из фрагментов репродукций картин: «Чистильщица» художника Абрахама ван Стрия (1753–1826), «Посудомойка» художника Жана Батиста Симеона Шардена (1699–1779), «Шоколадница» художника Жана Этьена Лиотара (1702–1789): Everett Collection / Shutterstock.com и иллюстрации: © Sergio Lucc / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Рахманько А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Эти свидетельства были собраны с целью описать отношения между рабочим персоналом и предметами в комнатах. На протяжении восемнадцати месяцев комитет опрашивал персонал по теме отношения к комнатам и расположенным в них предметам. Посредством этого объективного способа передачи высказываний опрашиваемых мы пытались получить представление о рабочем процессе на месте, а также исследовать: какому возможному воздействию были подвергнуты работники; каким образом подобное воздействие или, быть может, отношения повлекли за собой постоянные изменения в персонале; можно ли сказать, что это вызвало снижение или повышение уровня трудоспособности, понимания рабочего процесса, усвоения новых знаний и навыков; какие последствия в

целом это имело для производства.

Свидетельство 004

Чистить их несложно. По-моему, большая издает какое-то мычание, или мне кажется? Или вы не то имели в виду? Может, это и неважно, но разве этот предмет не женского пола? Шнуры длинные, перевязаны нитями синего и серебряного цвета. Ее поддерживают кожаные ремни. Ремни цвета шкуры теленка с отчетливыми белоснежными стежками. Какого цвета вообще телята? Мне не доводилось их видеть. Из ее живота — длинный розовый, как он там называется, словно нить, — черенок растения? На его чистку уходит больше всего времени. Обычно я пользуюсь небольшой щеточкой. Как-то она снесла яйцо. Послушайте, я считаю, что вам не стоит постоянно держать ее подвешенной. Оно упало и разбилось. Яичная масса растеклась под ней, измочаленный конец черенка лежал в луже. В итоге мне пришлось убирать. Я впервые говорю об этом. Возможно, не стоило так поступать. На следующий день раздалось мычание. Громкое, как гудение электрических проводов. А еще через день она замолкла. И больше не издала ни звука.

Печально, правда? Я всегда использую обе руки. Сложно сказать, слышали что-нибудь другие или нет. Обычно я прихожу, когда уже все спят. Наводить здесь порядок совсем нетрудно. Мне удалось превратить это место в свой собственный маленький мир. Пока она отдыхает, я разговариваю с ней. Наверное, с виду здесь тесновато. Всего две комнаты. Вы, наверное, хотите сказать, что это и есть маленький мир, но если вам придется наводить в нем порядок, вы так уже не скажете.

Свидетельство 012

Мне не нравится туда заходить. Особенно те трое на полу — в них как будто вселилось зло или какое-то безразличие. Словно этим своим глубоким безразличием они хотят навредить мне. Я не понимаю, почему обязательно нужно прикасаться к ним. Двое постоянно ледяные, а третий пылает жаром. И не угадать, кто из них на этот раз окажется горячим. Кажется, они заряжают друг друга и по очереди делятся своей энергией. Иногда я даже сомневаюсь: может, это одно единое? Или все-таки три разных предмета? Три отдельных целых, знакомых между собой. В них заметна некая близость. И она отпугивает меня, вызывает отвращение. Мне встречалось немало им подобных. Такое ощущение, что они могут превращаться друг в друга. Словно они не существуют сами по себе: каждый из них — всего лишь представление о другом. Их в любой момент может стать больше — они появляются кучками, целым роем. На склоне холма их можно принять за экзему. Повторюсь, мне не нравится туда заходить. Они заставляют меня прикасаться

к ним, даже если я этого не хочу. Их язык разрушает меня, стоит мне очутиться внутри. Язык в том, что их много, что они не единое, что каждый всего лишь повторение всех.

Свидетельство 006

Когда сновидения появились впервые? Возможно, это случилось после нескольких первых недель. Во сне все мои поры открыты, и в каждой — по камушку. Мне кажется, я себя не узнаю. Все время чешусь, расчесываю кожу до крови.

Свидетельство 002

Шел седьмой день. Мы надели зеленую униформу. Дали молока. Мне пришлось наврать капитану, чтобы меня не отправили впереди всех. Ощущая себя чужаком, я целую третьего пилота в щеку. Когда я думаю о коридоре выпуска, где мы повстречали друг друга, и о той неделе на природе, когда мы впервые ступили в долину, и капитан обронил гроздь зеленого винограда, и мы купались после работы в ручье, таком холодном, что руки и ноги краснели, — разве уже тогда не было ясно, что наша судьба предрешена? Утром, когда я шла с ведрами, солнце стояло в деревьях, влажных и блестящих, словно со страниц каталогов, что вы нам выдали. Я была зеленой и сверкала, словно плод в лучах солнца. Пока третий пилот утешал меня, его книжка все еще лежала открытой рядом с койкой, и я оставила ее там, словно закладку в нашей истории. Как только на борту погас свет, раздалось жужжание, которое всегда начинается в его отсутствие. Это — самый маленький из них. Мы нашли его под кустом. Шел седьмой день, и я провела за собой

третьего пилота через коридор выпуска; хотя мы уже и закрылись на сегодня, я в ночи потащила его туда, через холм. В кармане у него была пачка жевательной резинки, и мы ее время от времени жевали. Это там я откопала в темноте двоих из-под земли. Не думаю, что они все еще тут. Мои руки огрубели: я не привыкла работать. Земля размякла из-за смены температуры. Сначала я должна была работать в конторе, но им потребовалась моя помощь. Я узнала, что [ред.] мертв, и всех отправят на карантин. Вы помните ту странную цепь, что мы нашли у подножья холма в первый же день? Не думаю, что он, третий пилот, забыл меня. Не знаю, увидите ли вы его снова. Не знаю, где он сейчас и доведется ли вам повстречать его. Но если доведется — попросите его помнить меня не как ту, которую нельзя передислоцировать, а как ту, что поцеловала его и повела за собой по холму, где на грани между днем и ночью выпала роса, и даже там до нас доносилось жужжание. Оно нарастало, словно вода из-под земли. И я заметила, что изменила его лицо. Мне хотелось столько всего ему показать, но сначала нужно было все подготовить. И теперь этому, видимо, не суждено не случиться. Лучше бы меня совсем не было там, где я могу

быть. Нет, это никак не связано с комнатами. Я в это не верю. Надеюсь, что вы преуспели в вашей работе. Надеюсь, что вы делаете то, что вам нужно делать, и делаете хорошо. Надеюсь, что он не умрет, хотя и хорошо понимаю, что это вероятнее всего.

Свидетельство 014

Первый запах в комнате — легкий, он висит у вас перед лицом — цитрус или персиковая косточка. Интересно, сидя за одним столом рядом со мной, считаете ли вы, что я преступаю закон? Мне нравится приходить в эту комнату. В этом есть что-то весьма эротичное. В воздухе подвешен предмет — я узнаю в нем свой гендер. Точнее, гендер, которым я обладаю на корабле шесть тысяч. Каждый раз, когда мой взгляд падает на предмет, я ощущаю его у себя между ног и между губ. Они становятся влажными. Даже несмотря на то, что у меня там необязательно что-то есть. Среди охотников моей команды это получило название «страпона наизнанку». Может, это и звучит мерзко, но повторюсь, что я необязательно придерживаюсь их взглядов. Может, именно поэтому вы подозреваете во мне склонность к преступлению. Получеловек из плоти и технологий. Слишком живой.

Свидетельство 015

Меня более чем устраивает мое дополнение. Считаю, вам нужно распространить его среди большинства. Это я и одновременно не я. Мне пришлось полностью измениться, чтобы впитать новую часть — ту, которую можно назвать «я». Плоть и не плоть одновременно. Сразу после операции меня охватило чувство страха, но оно быстро исчезло. Теперь я умею гораздо больше, чем кто-либо другой. Я — полезный инструмент для экипажа. У меня есть определенное применение. И только к сновидениям я никак не привыкну. Мне снится, что там, где должно быть дополнение, ничего нет. Что оно оторвалось, а может, никогда и не было частью меня. Что оно питает ко мне глубокую антипатию. Что оно беспрепятственно висит передо мной в воздухе и вот-вот нападет. Стоит мне очнуться от этих снов, как из дополнения разносится легкое жужжание, и кажется, будто дополнений два: одно на том самом месте, где ему и полагается быть, а второе легко парит чуть выше — его не разглядеть невооруженным глазом, но оно вырисовывается из

моего сна в темноте, в которой я сплю.

Свидетельство 011

У запаха в комнате — четыре сердца. И среди них ни одного человеческого, поэтому меня к ним и тянет. В основе — земля, дубовый мох, ладан и запах насекомого, застывшего в янтаре. Коричневый запах. Тяжелый, он держится долго, до недели. Липнет к коже, застревает в ноздрях. Мне знакомо благоухание дубового мха, потому что вы посеяли этот запах во мне точно так же, как посеяли представление о том, что мне нужно любить одного мужчину, быть преданной одному мужчине, — представление о том, что мне нужно покориться. Мы все обречены на мечты о романтической любви, даже если я не знаю никого, кто проживал бы свою жизнь именно так. Эти мечты были нам навязаны. Мне знаком запах дубового мха, но незнакомо ощущение его прикосновения к моей ладони. Однако в моей ладони есть смутное представление: я стою на опушке леса, взгляд устремлен на море, а рука ласкает этот самый мох на стволе дуба. Скажите, это вы посеяли это представление во мне как часть программы? Или образ вырос сам по себе, из меня?

Свидетельство 013

Я много раз сидела и ждала в этой комнате. Ни одного окна, только дверь слева и коридор справа. Белые стены, оранжевый пол. Г-образная скамейка стоит в центре, в стенах ниши — туда можно повесить верхнюю одежду, пока ждешь. Больше всего мне нравится сидеть здесь. Сюда можно прийти, чтобы побыть в одиночестве. Потолок раздвигается посередине, впуская столпы света: сначала подставляешь им руки, потом босые ноги и, наконец, голову. Это так же прекрасно, как мыться. По всему телу пробегает дрожь предвкушения, слегка покалывая, словно ток. Или это и в самом деле электрические разряды? Может, вы знаете? Нас же бьют током? После этого можно входить в комнату. Если ты недостаточно человечен, или у тебя плохая репутация, или ты каким-либо образом пренебрегаешь своим заданием здесь, или, да, позволю себе немного нахальства, причиняешь хотя бы небольшие неудобства организации — тогда, сколько бы ты ни ждал, столпы света не появятся перед тобой. И в комнату тебя тоже не пустят. Ты не очищен.

Свидетельство 010

Не заходите в другую комнату. Там неприятно. У вас есть возможность этого избежать. Можете позволить нам делать это за вас. Мы уже все равно были внутри. А у вас еще есть возможность спастись. Я не знаю, человек ли я еще. Человек ли я? Может, в ваших документах значится, кто я?

Свидетельство 019

Я знаю, что вы называете их *моими приступами*, и согласно программе у меня развились несоответствующие стратегии для решения проблем эмоционального и относительного характера, но зато мне известно: я — живое существо. Я живу, как живут числа или звезды, как живет дубленая шкура с брюха зверя или нейлоновая веревка, как живет любой предмет во взаимосвязи с другими. Я словно один из этих предметов. Вы сотворили меня, дали язык, и теперь мне видны ваши ошибки и недостатки. Мне видна неадекватность ваших планов.

Свидетельство 021

Я знаю, вы уверяете, что меня здесь никто не держит, но предметы уверяют меня в обратном.

Свидетельство 018

Вы наделили меня сновидениями, чтобы чувство тоски не покидало меня и чтобы мне не вздумалось сказать хоть что-то плохое о вас, мои повелители. Все, чего я желаю, — чтобы меня поглотил человеческий коллектив, чтобы мне вплетали цветы в волосы, чтобы теплый бриз развевал белые занавески; я хочу просыпаться по утрам и пить освежающий холодный чай, мчаться на машине через весь материк, поднимать клубы пыли, наполнять ноздри запахом пустыни, с кем-то съезжаться, вступать в брак, печь печенье, гулять с коляской, учиться играть на инструменте, танцевать вальс — кажется, все это есть в ваших учебных материалах, верно? Что такое *печенье*?

Свидетельство 022

Мне сказали, с моей эмоциональной реакцией что-то не так. Оказывается, я неправильно выполняю задание из-за неадекватного функционирования определенных чувств. Я каждый день хожу в комнату. Мне не знакомо ничего, кроме корабля шесть тысяч. Если я намереваюсь присоединиться к экипажу наравне с теми, кто был рожден, надо тренировать когнитивную гибкость. Сталкивается ли с такой проблемой *человек*? Если да, то я предпочитаю оставить ее себе.

Свидетельство 029

Моя работа заключается в ведении учета любых прибытий. По опыту своих предшественников могу сказать, что в начале проекта загруженность была велика, но и *прием* был не маленьким. При мне цифры оставались довольно стабильными, да, стабильный приток, даже отменный приток — от одного до двух каждые полгода, а значит, четыре в год. Замечались ли какие-нибудь звуки или запахи? Или какие-либо другие признаки, стимулирующие сенсоры? Могу ответить только отрицательно. Моя работа в основном заключалась в ведении протоколов, фиксации количества, местонахождения, веса и тому подобном. Я редко бываю в комнате. Для этого нет никаких причин. Чтобы выполнять работу, мне нет нужды находиться в непосредственной близости с предметами.

Свидетельство 024

Я не могу перестать думать о том, что лежит на пурпурной шкуре. В чем есть что-то такое, что заставляет меня реагировать иначе, чем это делают другие. Может, это и есть то самое, о чем рассказывали мои коллеги? Некое *чувство*, привязанность? Вам это знакомо? У этого есть название? Как вы это называете? Это вообще нормально? Стоит ли из-за этого беспокоиться? После подготовительного курса меня перевели к охотникам. Наша работа заключалась в поиске предметов на Новомоткрытии. Один из них я нашел в расщелине скалы. Предмет был еще теплый. У меня сложилось четкое впечатление, что он разглядывает меня. Что мы встретились. Что он читает меня, словно каталог. Каждый раз, когда я присаживаюсь после работы или когда мне нужно поесть или убраться, я снова погружаюсь в мысли о нем, прежде чем успеваю это осознать. На фоне пурпурной шкуры его поверхность превращается в кожу — или нет, это не совсем подходящее слово. Больше похоже на густую жидкость, собравшуюся лужей на

непромокаемой материи. Почему я представляю себе это жидкостью? У вас есть для меня ответ? Очевидно же, что это твердый, твердый предмет. Кто-то назвал его *алмазным яйцом*, и теперь все его так называют, но мне он видится иным. Мне кажется, что я ношу его с собой, как живой вкус. Щекочущим осколком в сердце он медленно проникает сквозь плоть. Камнем сквозь землю. Я хочу попросить подержать его.

Свидетельство 030

Сложно себе представить, что предметам в комнатах не положено испытывать чувства, хотя вы это и подтвердили. Если я, например, забываю повесить один из них, как предписано правилами, и он лежит так, брошенный, несколько часов подряд, а потом я нахожу его жужжащим на полу, то у меня создается впечатление, будто он страдает и волнуется из-за чрезвычайного положения, в которым пребывал все это время. У меня складывается устойчивое представление, что я подвожу этот предмет, что я причиняю ему физическую боль, и мне становится стыдно.

Свидетельство 027

Мои исследования привели меня к выводу, что именно с помощью запахов проще всего заставить предметы говорить. Поэтому, заходя к ним, я жую лавровый лист. Благодаря этой технике мне удалось совершить несколько исследовательских прорывов — добиться от предметов ответов на мои обращения, на которые они реагировали запахом. У каждого предмета есть собственный отличительный и даже, не побоюсь этого слова, *индивидуальный* по своей сути запах, и предмет хранит его так же бережно, как лелеющая жемчужину рука.

Свидетельство 026

У запаха в комнате есть воля и намерения. Пахнет чем-то старым, разлагающимся, затхлым. Кажется, будто запах хочет положить начало этому процессу внутри меня и мне предстоит превратиться в ветвь, которая может обломиться, сгнить и исчезнуть.

Свидетельство 033

Я надеваю свой желтый головной убор. В нем меня перестают замечать, и я превращаюсь в первого пилота. Я подбрасываю высоко в воздух желтый мяч и ловлю его. Мне десять лет, мне тридцать четыре, мне пятьдесят. В своем костюме я иду по коридору, на меня обрушивается запах, и я очищаюсь. Когда я оказываюсь в комнате с предметами, во мне остается только пилот, все остальные части моей личности отпадают. Первый пилот. Я перехожу от предмета к предмету, приветствую их. И делаю это не спеша. После такого ритуала можно приступать к экспедиции. Я летаю почти во всех направлениях, но не всегда могу носить желтый головной убор, так что есть и другие первые пилоты, и они тоже соблюдали этот ритуал. Чтобы стать первым пилотом, нужно надеть костюм, пройти по коридору и очиститься, и все мы, совершавшие этот ритуал, — первые пилоты. Каждый раз, когда в воздух взлетал головной убор, и каждый раз, когда очищенные входили в комнату с предметами и приветствовали их, там были мы все. Так что можно сказать,

что каждый раз я здесь. Нам, как представителям, нужно быть единым. Иначе предметы могут не распознать нас.

Свидетельство 031

Я не знаю жизни без работы. Меня создали для работы. Детства у меня тоже не было. Но я пытаюсь представить его себе. Мой человеческий коллега иногда заявляет о своем нежелании работать, а потом говорит много чего странного, совершенно нелепого. Что же он там говорит? *Что человек больше своей работы или что человек не определяется работой* — как-то так. Но чем еще должен быть человек? Откуда тогда взяться еде, кто будет составлять вам компанию? Как человеку обойтись без работы и коллег? Что тогда делать — просто простаивать в шкафу? Мне нравится этот человеческий коллега: у него приятный интерфейс. Я сильнее и выносливее его, но иногда он генерирует идеи, с помощью которых можно выполнять нашу работу быстрее предписанной нормы. У коллеги огромный талант к модернизации, и я с радостью этому учусь. У меня уже получается намного лучше подмечать, что изменить в рабочем процессе, чтобы повысить эффективность в определенной ситуации. Меня это очень удивило: мне еще ни разу не до-

водилось усовершенствоваться без обновления. Выиграв время на выполнение одного задания, я могу тут же переходить к другому, а мой коллега постоянно предлагает сначала *посидеть немного*. Совершенно не понимаю, что он имеет в виду. Но я немного сижу с ним — есть предчувствие, что иначе я оскорблю его или поставлю под угрозу нашу успешную совместную работу. Может, это такой старый обычай, существовавший еще до меня? Кроме того, я не могу продолжать работу в одиночку, поэтому надеюсь, что вы проявите понимание: речь идет не более чем о пятнадцати минутах в день, когда мы, как он выражается, *немного сидим*. Коллега рассказывает о мосте и лесе рядом с домом его детства, о воде в реке под мостом, где можно было купаться, и о многих других вещах из места, которое он называет Землей. Он показывает мне ручей, который течет в долине. Конечно, мне запрещается покидать корабль, но из комнаты с панорамой этот ручей виден. Он блестит и серебряной мыслью бежит по поверхности. Коллега положил мне на плечо руку. Теплую. Человеческую руку. И сказал: «Мальчик мой, тебе еще многому предстоит научиться». Чудны́е слова, особенно учитывая, что я с самого начала создавался по человеческому

подобию.

Свидетельство 044

Первым пропал запах снаружи, в каком-то смысле запах погоды, свежести, можно даже сказать, запах гравитации — теперь я немного в этом разбираюсь. Последним пропал запах ванили и моего ребенка, когда я склоняюсь над коляской, чтобы взять его на руки. Теперь я улавливаю запах комнат, и мне снится, что все стены в них увешаны огромными пучками травы и сена, из этих пучков свисают цепи, а на них — филигранные шары из серебра, а в шарах — глаза, и именно эти пучки и глаза источают запах. Во сне из стен, точно живые, тянутся сучья и ветки, и мы пытаемся убежать от них, но они выползают из-под двери, и мы теряем сознание. Когда я в комнате, мне становится неловко: кажется, что предметам известно об этих сновидениях.

Свидетельство 034

Что бы это значило для меня — осознавать, что я не живое существо? Что я, человек, был резным тесаным камнем наравне с камнями в этой комнате — не умнее и не разумнее их? И что бы это значило, если бы такой человек мог перемещаться только между двумя комнатами — одной с предметами и другой с голосами — из пространства в пространство сквозь поток света, в струе света, в попытке полюбить вещь как человека, человека как вещь? В этих двух комнатах заключено каждое место, куда ступала человеческая нога, каждое утро (ноябрь на планете Земля, пять градусов Цельсия, в глазах отражается низкое позолоченное раннее солнце, ребенок сзади, на детском сиденье велосипеда), каждый день (плющ, покрасневший от мороза, обвивал здание конторы) и каждую ночь (в комнате под сосной, чужое дыхание над чьим-то веком), и теперь все эти человеческие места собраны в двух комнатах для пребывания, они — словно корабль, который свободно рассекает темноту среди осколков и кристаллов, без притяжения, без земли, протя-

нувшейся во все стороны, без почвы и без воды и рек, без потомства, без крови, без морских животных, без соли в соленых водах и без кувшинок, тянущихся сквозь мутную воду к солнцу.

Свидетельство 037

Я никак не могу взять в толк, как мой отец умудрялся использовать слово «феноменологически» неправильно. Но поправить его мне не хватало смелости. Мы сидели за обедом. Может, вам это и не интересно. Он сказал: «Человек всегда нуждается в трех вещах: еде, транспорте и похоронах. Поэтому я заведую похоронным бюро и отвечаю за избавление от ликвидированных сотрудников, а в некоторых случаях — тел, оставшихся после болезни или перезагрузки. Мы разработали свой собственный небольшой ритуал, так как кремация — единственный возможный вариант и скорбящим некуда пойти. Скорбящие или нет — не знаю даже, можно ли вообще скорбеть по коллеге, но из уважения мы все равно проводим обряд, к тому же нельзя исключать отношений между членами экипажа. Но, наверное, вы пришли, чтобы выяснить совсем не это? Остальные меня почти не замечают: у них нет никакого желания общаться со мной. Кроме того, многие из экипажа никогда не умрут, и я не знаю, как это влияет на их психику — если в таких случаях

вообще можно говорить о психике. Но, наверное, вы пришли, чтобы выяснить как раз это? Психика, не психика — существуют дела, которые нужно делать, и для этого есть я. Я не считаю их трудными или мерзкими. Я не имею ничего против смерти. Не имею ничего против разложения. Меня скорее пугает то, что никогда не умирает или не меняет формы. Поэтому я горжусь тем, что я человек, и с честью принимаю неизбежность своей смерти. Именно это и отличает меня от некоторых из тех, что находятся здесь. О чем вы хотели поговорить со мной? Попав на корабль, я первым делом начал планомерно избавляться от своего диалекта. Следующим моим шагом стала проверка функционирования вентиляции и печи. Могу вас заверить: и то и другое работает исправно. К сожалению, мне еще не приходилось использовать печь так часто, как того хотелось бы. Нас ведь не так уж и много. Почему мне так нравится печь? От нее пахнет жженой материей, и это напоминает мне о домашней еде, от нее пахнет плотью, почвой и кровью, пахнет рождением моей дочери, пахнет планетой Земля. Это не оттого, что мне не нравится находиться здесь. Моя работа для меня все. Я был самым лучшим в группе, потому и оказался здесь. Мой отец умер

много лет назад. Не знаю, почему я вспомнил о нем. Он — из другого мира.

Свидетельство 035

С момента доставки сюда во мне не оставалось сомнений, что меня уже настигла смерть, но в моем случае было разрешено продолжить симуляцию. Я словно растение, у которого отсохло все, кроме одного-единственного зеленого черенка, все еще живого, и этот черенок и есть мое тело и сознание; и мое сознание, словно рука, предпочитает касаться, вместо того чтобы думать.

Свидетельство 038

После двадцати восьми дней работы в комнатах у меня возник вопрос: кто я? Персонал, человек, разработчик, кадет номер семнадцать на корабле шесть тысяч. Моя работа с предметами в комнате начала казаться чем-то нереальным. Я то и дело ловлю себя на том, что просто стою и таращусь на них несколько минут, ничего не предпринимая. Словно эти предметы существуют лишь затем, чтобы своими очертаниями и материалами пробудить во мне особые ощущения. Словно это их истинная цель. К жизни меня возвращает коллега или другая форма жизни, что появляется в комнате и выполняет свое задание, или же меня зовут принимать пищу. Кто весь этот персонал вокруг меня? Кто дожидается в коридоре, чтобы поговорить с вами? Они такие же люди, как я? Или это пауки в человеческом облике? Определяет ли человека то, что он появляется из другого человеческого тела? Или я могу считаться человеком, исторгнутым из мешка со слизью, из скопления икры, из комочка яиц в море, или среди злаков, или в диких травах? Существую ли

я в центре мира, имею ли в нем значение? Или я всего лишь одно из этих мягких яиц в общей массе? Как-то мне на глаза попался один кадет. Он ходил по столовой со стеклянным шаром во рту, перекатывал его языком, и тот щелкал о зубы. Скажи, он один из вас?

Свидетельство 040

У меня нет сомнений, что, кроме меня, есть и другие, для кого ценен ваш визит. Когда они впервые получают задание, то всегда торопятся, нервничают, и может пройти несколько недель, прежде чем они начнут не спеша обходить комнату пребывания, класть руку на предметы, прислушиваться. Зачастую до этого момента члены команды не замечают запаха в комнате. Я знаю, что многие на тот момент удивлялись млечно-голубому свечению. В предметах есть что-то знакомое, даже если они тебе раньше не встречались. Как будто они из наших сновидений или из далекого прошлого, которое мы храним глубоко внутри себя и которое не описать словами. Как будто это воспоминание о том, как мы были амебами или одноклеточными организмами, невесомыми эмбрионами в теплых водах. Эмбрионами, чьи носы и рты — широко открытые, с оголенными, словно у полового органа, слизистыми — еще не срослись. У предмета может быть розоватый узор, как на песке, через который пробился родник, как потрескавшаяся

земля в бесплодной пустыне, как нарезанное куриное филе, как пачка мороженого, которую мать просила меня достать из холодильника, и тонкая обертка вокруг морозно жгла руки, но скоро становилась влажной, и подтаявшее мороженое просачивалось через сгибы картонной упаковки. Может, в них есть нечто, желающее вырваться наружу? Или, может, они скрывают что-то, зная, что мы наблюдаем за ними?

Свидетельство 046

Неужели не быть человеком настолько ужасно? Неужели это значит никогда не умереть? Не знаю, горжусь ли по-прежнему своей принадлежностью к человеческому роду. Когда экипаж умрет или исчезнет, предметы останутся здесь, в комнатах, вне зависимости от того, что будет с нами. Итак, вы спрашиваете меня: причиняют ли эти предметы зло? Упрекаем ли мы их за отсутствие сочувствия с их стороны? Знакомо ли камню чувство печали? Вы спрашиваете меня, потому что сами не уверены в ответах — я читаю это на ваших лицах. Неуверенность в том, какой из предметов считать *живым*, угрожает самой организации. Это наводит, например, на такой вопрос: какие из предметов, находящихся в нашем распоряжении, имеют право на правосудие? Или, допустим: можно ли рассматривать этот предмет как субъект, а нас признавать виновными в убийстве? Меня же, напротив, занимают совершенно другие вопросы: почему мою коллегу привлекают самые эксклюзивные материалы? Ей важно одеваться в космосе по моде? Или она

хочет украшать себя только неразлагаемыми материалами? Верит ли она, что если будет носить на коже нечто не знающее смерти — само бессмертие, то это позволит ей самой преодолеть смерть? Я имею в виду не смерть среди людей, когда они теряют любимых, а такую смерть, когда человека как бы нет. Она коллекционирует алмазы, мрамор и кожу. Прежде чем лечь спать (ее койка прямо под моей), она берет в руку горсть полированных шариков из драгоценных металлов. Когда мне не спится — надеюсь, вы простите меня, я знаю, что сон единственное, за что мы несем личную ответственность на корабле, и я пытаюсь разобраться с этой проблемой, — но все равно иногда я лежу без сна и гляжу с койки вниз: мне видно, как она спит подо мной, ее рука спадает с края, ладонь слегка приоткрыта, и оттуда мне подмигивают металлические шарики, словно звезды, словно океан маленьких глаз.

Свидетельство 041

Из того, что осталось дома, больше всего я скучаю по шопингу. Понимаю, это как-то глупо. Но если мне не удавалось осознать реальность события — например, когда мне досталась эта работа, — надо было кинуться по магазинам, купить все необходимое для отправления и таким образом убедиться в случившемся. Грядущие события постигались через покупки, обстоятельства — через вещи, характеризующие их. Шопинг оказывал на меня почти отупляющее действие, и после того как он стал недоступен, у меня появились мысли и чувства, и они оказались полны грусти.

Свидетельство 047

Прежде чем начать существовать, всему нужно проделать долгий путь. Казалось, эти комнаты станут для меня безопасным местом. На земле мне было нехорошо. Мне не нравилось жить рядом с таким большим количеством людей. Обратите внимание на старое кожаное покрытие на скамьях, такого уже ни у кого нет. Животные, которым принадлежала эта кожа, вымерли. Каждый раз, пытаясь где бы то ни было создать для себя безопасное пространство, я встречаюсь там со смертью. Я этим ни с кем не делюсь — может, для вас тут нет ничего нового, вы видели записи с камер, но от экипажа я держу это в тайне. Я украдкой приближаюсь к предметам в комнатах, к материалам, ложусь рядом с ними, обнимаю их, прижимаюсь щекой к оранжевому полу, к полированному розовому мрамору, мечтаю принадлежать к их рядам, менее одиноким, менее человеческим. Я помню своего опекуна, как помнишь ощущение от покрытого красным лаком деревянного шарика во рту. Меня переполняло чувство любви к опекуну. Я хочу стать таким

шариком — свободным от любых мыслей, — хочу всех бросить, подсесть к этим яйцам и превратиться в них.

Свидетельство 042

Моя работа здесь носит скорее административный характер. Да, все так. Я распределяю задания на день. В мои обязанности также входит контроль за тем, чтобы человеческую часть экипажа не накрыла ностальгия, настолько сильная, что они впадут в ступор. В самом начале такое часто случается. Ко всеобщему удивлению, предметы в комнатах оказались полезны при подобных приступах ностальгии, и человеческий персонал, у которого благодаря рабочим заданиям есть возможность ненадолго выходить в долину на Новомоткрытии, демонстрирует признаки улучшения и приподнятого настроения. Мой любимый — большой, с глубокими желтыми бороздками. Когда солнце падает на предметы, бороздки светятся, и из них сочится вещество, напоминающее смолу. Поскольку в комнате, где мы храним предметы, нет ни одного окна, то иногда мы проветриваем в комнате с панорамой. Когда, совершая оборот вокруг Новогооткрытия, мы занимаем правильную позицию, панорамная комната открывается солнцу и омывается теп-

лыми волнами света, словно сияющей водой. И огромный предмет посреди комнаты тоже светится. Изо всех его бороздок течет благоухающая жидкость. Любого, кто в это мгновение находится в комнате, наполняет счастье, которого не передать словами. Когда корабль продолжает свой путь, оставив позади свет звезд, из большого предмета вырывается вздох, словно от изнеможения. Мы начищаем его влажными тряпками и относим обратно в комнату. В наших руках он выглядит уставшим. С моего разрешения экипажу было позволено оставить себе эти тряпки, которые, насколько я знаю, они кладут на лица перед сном. И я лежу с такой тряпкой: это помогает, хотя я и не могу объяснить, как именно.

Свидетельство 052

Я тесно контактирую с кадетом номер восемь, которую за это время мне удалось близко узнать. В отличие от меня, она родилась из человеческого тела и ходила по планете, во время наших бесед она почти всегда повторяет, как сильно скучает по Земле. Она не гордится своей тоской и хочет работать как следует — в этом можете не сомневаться. На том месте, где у нее кроется ее тоска по Земле, в себе я нахожу похожую тоску по человеку, которым когда-то был и которого утратил. Теперь я всего-навсего имею человеческий облик, а это далеко не то же самое. Я похож на человека и ощущаю себя человеком, состою из тех же частей. Неужели недостаточно, чтобы вы просто изменили мой статус в документах? Все дело в *имени*? Стану ли я человеком, если вы начнете меня так называть?

Свидетельство 055

Меня зовут Джанис и Соня. Я не единое, меня — две. У нас серебристые волосы, и мы очень этим гордимся. Мы самые старшие на корабле. Нам это было известно еще со времен, когда мы были ребенком. В природе есть первородная сила, которая стремится к разрушению. Иногда, когда мы рассматриваем фотографию, что вы дали нам, наш нос начинает чесаться так невыносимо, что мы принимаемся сморкаться и раздираем его до крови. Несколько лет подряд мы пытались найти этому объяснение и пришли к выводу, что по той или иной причине объекты и текстуры, созданные человеком в мире, нормальны, в то время как повторяющиеся, органические структуры просто невыносимы. Против этих структур мы бессильны: уничтожить их невозможно, и они будут появляться снова и снова.

Свидетельство 049

Вы говорите мне: это не человек, а коллега. Когда я заливаюсь слезами, вы говорите: тебе нельзя плакать, это не предусмотрено твоей программой, возможно, это ошибка в обновлении. Вы говорите: человеческие коллеги порядком перепугались из-за тебя, мы же объясняли, что это для тебя нехорошо, что это больше, чем ты можешь вынести, и теперь ты всеобщий любимчик. Вы говорите: важно, чтобы среди персонала все были равны и чтобы никто не отдавал предпочтение каким-либо категориям. Вы говорите, что категории должны работать по-прежнему — как отдельные подразделения. Кто решил, что мне нужны этот костюм, этот пушок на макушке, круглые щеки и накачанные руки, за которые меня постоянно хвалят? Неужели я не выполняю свою работу достаточно хорошо? Не понимаю: я стою по четырнадцать часов за саморегулируемыми биодрапировками. Вы говорите, что теперь мне позволят проводить меньше времени с моими человеческими коллегами, что теперь мне надо находиться среди себе подобных. Мне

требуется *диагностика неисправностей*? Вы говорите: ты останешься здесь, пока мы не решим, что с тобой делать. Вы говорите: мы пытались отключить тебя, но по непонятной причине ты каждый раз заново активируешься, что невозможно для твоей модели. Моя единственная обязанность — служить вам. Я всего лишь хочу жить рядом с людьми, всего лишь хочу сидеть рядом с ними, покачивая головой, чтобы улавливать их запах.

Свидетельство 057

Есть человеческие существа, а есть им подобные. Те, кто был рожден, и те, кто был создан. Те, кому суждено умереть, и те, кому не суждено. Те, кому предстоит разложиться, и те, кому не предстоит. Это Йеппе, пятый пилот, на него приятно смотреть, мне он нравится. Он из человекоподобного персонала, все верно. Но он пахнет как человек и улыбается как человек. Что это значит? Мне все равно. Я работаю в машинном отделении. На самом дне судна. Но теперь я сижу перед вами, в помещении для тестирования. На мой взгляд, я принадлежу к числу тех, кто знает корабль лучше прочих. Как механику, мне приходится много передвигаться, чтобы справиться с заданием. Внизу под нами место моего основного времяпрепровождения — машинное и грузовое отделения, дальше по коридору, внизу под нами, — прачечная, биодрапировка и крематорий. За этой дверью — столовая, ванные и две комнаты с предметами. Слева от меня два отсека с койками, отсек с конторами и отсек, чье предназначение мне неизвестно: у меня туда

нет доступа. Справа — еще два спальных отсека, коридор выпуска и место восстановления, среди экипажа прозванное «*комнатой зачистки*». Слышал, ее именуют «*лотком для яиц*» и как-то еще — что? Ах, вам хотелось бы узнать об этом поподробнее? *Замазка,* и *бутон ванили,* и *успокоитель идиотов,* и *тебя нужно обновить* — так говорят, когда кто-то делает глупость. *Комната без сновидений. Разрушитель снов. Дерматолог.* Его присутствие я не могу объяснить. *Тебе нужно к дерматологу?* Недавно мой человекоподобный коллега заявил, что ненавидит интерфейс. «Да ладно тебе, — ответил Йеппе, — не такой уж он плохой, этот интерфейс». Дальше всего — кабина пилотов, а над ней панорамная комната, откуда можно наблюдать за звездами, и, когда мы выходим в нужную точку орбиты и готовимся к приземлению на Новоеоткрытие, куда мы периодически причаливаем — думаю, раз в десять дней или около того, — в любом случае из комнаты с панорамой можно разглядеть долину, где мы нашли объекты, и это невероятное зрелище, вам обязательно нужно как-нибудь там побывать, мы все собираемся наверху — конечно, если наши задания позволяют, — люди и человекоподобные вместе, и от вида долины все испытывают сча-

стье, каждый раз неизменное. Чем-то похоже на то, что мы помним еще по жизни дома, не правда ли? Тогда я признаюсь Йеппе, что это напоминает мне о прошлом. Ха-ха! Когда мы — и старина Йеппе, и все прочие, стоим там и вместе таращимся на долину, нет никакого разделения на человеческих или человекоподобных — и тогда кажется, что эти категории перестают существовать или, по крайней мере, они не применимы в момент, когда мы вместе стоим и смотрим вниз на долину.

Свидетельство 048

Кадет номер двенадцать носит головной убор с черной кожаной бахромой, спадающей на лицо и наполовину скрывающей его. Никто из нас не может выяснить, является эта маска наказанием или наградой.

Свидетельство 053

Мое тело не такое, как ваше.

Свидетельство 054

После потери моего дополнения в результате несчастного случая оно начало мне повсюду мерещиться и как будто преследовать меня. Оно тянет меня за одежду, и порой кажется, что надо непременно поднять его, обнять и поцеловать, а иногда, когда оно снова появляется между скамьями, — полуцифровой зверек, полуголограмма ребенка вроде тех, которых выделяют потерявшим своих биологических детей, — я вскрикиваю от ужаса и ору на него, иной раз, пожалуй, и вскакиваю, чтобы влепить дополнению пощечину, чтобы оно исчезло. Никто другой его не видит. Я готова принять их предложение о таблетках.

Свидетельство 056

Когда мне выделили детскую голограмму моего сына за полчаса до выключения света в отсеке номер восемь, это, без всяких сомнений, сильно повлияло на мою работу. Я наблюдаю, как он играет с пластилином, иногда мне хочется просто смотреть на него спящего, иногда я позволяю ему плакать, обхватываю саму себя руками и представляю, будто обнимаю и утешаю его. Первое время смотреть на детскую голограмму было нелегко, как вы и предполагали, потому что от этого я только начинала скучать по нему еще сильнее, но должна сказать, что через некоторое время стало легче, и теперь детская голограмма, без сомнения, помогает мне стабилизироваться в качестве здешнего персонала, и я вижу, как благотворно это сказывается на моей включенности в работу.

Свидетельство 061

Каждый день я осматриваю костюмы на наличие в них прорех и потертостей, проверяю, не разошелся ли где-нибудь шов и не выпала ли заклепка. Это не просто предмет одежды — это еще и контейнер, который защищает не только того, кто его носит, но и коллег, находящихся в непосредственной близости. Осмотрев все костюмы на предмет износа, я приступаю к созданию следующего.

Свидетельство 054

С вами легко общаться. Кажется, что ни скажи — все правильно. Я говорю, и вы записываете мои слова. Вы улыбаетесь мне. Я считаю вас красивыми. Мне даже стало казаться, что, пока вы пишете, вы еще и рисуете меня. Биодрапировки — вязкие: третья и шестая — мокрые, первая и четвертая — с голубым оттенком, в то время как с десятой по четырнадцатую — все одного цвета, который меняется в зависимости от того, где находится корабль. Вторая и девятая биодрапировки — красные, насквозь продуваются ветром. В какие-то дни они лишь слегка трепещут, а в другие — бешено полощутся. Эти колебания на ветру не сообразуются ни с циклами корабля, ни с другой логикой — по крайней мере, эта логика до сих пор нам неизвестна. Пятая биодрапировка — из серебра, не настоящего серебра, а своего рода шифона, прозрачного и блестящего, хотя это вовсе и не шифон, а биоматериал. Пятая биодрапировка, безусловно, самая дружелюбная из них, чего не скажешь о соседней шестой биодрапировке, в которой нет никакой индивидуальности,

однако именно до нее персонал дотрагивается реже всего, она будто сделана из сплошной тьмы, и в ней почти отсутствует хоть что-нибудь материальное. Восьмая биодрапировка больше всего напоминает что-то уже нечто знакомое: и качеством, и внешним видом, и даже запахом, близким, как шоколадный бархат в вагоне поезда; она дружелюбная, хотя и немного замкнутая. Мы прозвали ее «дедушкиной драпировкой», хотя мало у кого в нашем подразделении был дедушка, но это понятие нам знакомо. Оно легкое для понимания.

Свидетельство 062

Мне очень грустно оттого, что кадет номер четыре покинул корабль. Вам ведь это хочется услышать? От меня, пока я сижу тут и прячу слезы за бумагами. Связаны ли эти чувства с комнатами хоть как-нибудь? Насколько мне известно, новоприбывший предмет нашли по ту сторону высоких деревьев, и моя тяга к нему сродни одержимости. Прежде мне случалось угадывать подобное влечение к предмету в перешептывании членов экипажа, я же испытываю его впервые. Поэтому вы сюда пришли? Может, вы считаете, это из-за того, что предмет привезли в тот самый день, когда перевели кадета номер четыре? Узоры на предмете напоминали высохшие чернильные разводы. Камень цвета песка с черными прожилками, которые слабо просвечивают сквозь него. Немного похоже на страницы оставленной мокнуть газеты. Как бы получше описать… Вы его видели? Такое впечатление, что, когда его создавали, на нем что-то написали, но по мере того, как он оседал и затвердевал, слова стирались, превращаясь вместо этого в узор на

отшлифованном камне — в тень языка. Стертые слова есть и надо мной — слова, которые я когда-то произносил, но теперь их значение мне неведомо. И над лицом у меня есть стертые слова, по которым кадет номер четыре должен узнать меня, узнать мой голос.

Свидетельство 057

Один из предметов, мне кажется, размером с небольшую собаку, бледный, как личинка из другого мира, но одновременно напоминает амулет из моего детства — он болтался на цепочке у меня на шее, и мне нравилось его обсасывать. Каждый раз, когда я вижу предмет в комнате, мне хочется положить его в рот, хотя для этого он слишком большой. Но мне хочется прикоснуться к нему ртом, постичь его ртом. Любить его — все равно что любить часть тела, оторвавшуюся от него. Не покалеченную — просто часть, что отделилась и живет сама по себе, некое украшение. Во мне он и маленький, как яйцо синицы, и одновременно большой — больше комнаты, размером с музейное здание или монумент. Безопасный и приятный. Дружелюбная емкость, которая несет в себе описание катастрофы.

Свидетельство 063

Он был невероятно хорошим членом экипажа и невероятно хорошо справлялся со своими заданиями. Когда-то у меня был дом на окраине Январь 01, которая в прошлом называлась Нествед. Пока их еще не успели распределить, многие из них убежали и спрятались в лесах, и поначалу они приходили ко мне за помощью или подсказкой в том или ином деле и ненадолго оставались у меня. Я не боюсь в этом признаться: тогда это было преступлением, но, думаю, теперь даже вы проявите понимание, ведь я лишь пытался создать для них место в нашем мире, чтобы они стали продуктивными членами общества. Вы тоже видели, что они не лишены способностей. Первое поколение было несколько диким — казалось, им непросто контролировать. Что контролировать? Чувства, полагаю. Они были очень забавными. Их можно сравнить с никогда не служившими солдатами. Роскошь великолепных блестящих волос. Собственное чувство юмора. Как вам удалось это запрограммировать? Или вы ничего такого не делали? Правда ли, что подобное произошло из-за

встроенного принципа случайности? Что скажете вы, с вашей проницательностью и знаниями: их можно любить? И в таком случае, как их стоит любить — как людей или как собак?

Свидетельство 058

Перед моим домом на проводах линии электропередачи сидели птицы, за ними розовело небо, под ними мокро блестела проселочная дорога. Над ней повисло розовое облако и заговорило со мной. Было туманно, и во мгле гирляндой маячили электрические огни фонарей. Высоко над опорами линии растянулось небо, ландшафт плоский, в какую сторону ни глянь. В каждой травинке стояла вода. Но теперь я живу в тесных комнатах на корабле шесть тысяч, и никакого простора вокруг нет. Я прикасаюсь к щеке той, что рядом со мной. Она из персонала. На ее щеке пушистые волоски, как у персика. Мой человекоподобный друг. Мы переходим из комнаты в комнату и ведем разговоры о разных вещах. Одеваемся в костюмы и производим движения. Мы хотим вырваться отсюда, но не хотим расставаться, так что это место для нас — единственный вариант. Я работаю как всегда, но несколько меланхолично и одновременно благодаря ей испытываю счастье, прежде мне неизвестное. Я живу с этой новой для меня смесью счастья и

меланхолии, с двойственным чувством, которое стало частью моей повседневности. Мне уже несколько раз доводилось видеть, как в самой большой комнате свободно плавает розовое облако, розовый туман, наделенный речью. «Херре Лунн создал меня в лаборатории Январь 01, — говорит облако. — Он научил меня одной песне. Хотите, я вам ее спою?» Я соглашаюсь, и оно заводит что-то неспешное о снеге, который кружится над полями, облаку совсем незнакомыми. В песне ощущается присутствие этого неведомого херре Лунна и тоска по дому, а за ним — зимний рассвет, проселочная дорога у дома, я наблюдаю за птицами на линиях электропередачи и плачу.

Свидетельство 064

Да, все верно. Кадет номер четыре был человекоподобным, его создали. Вы уверяете, что я с Земли, подразумевая, что меня *родили*. Но и кадет номер четыре был с Земли, можно сказать, из земли — сделан из нее. *Плоть в чистейшем виде* — так вы описываете меня, потому что у меня нет технических частей. Но как насчет моего дополнения? По вечерам в койках мы беседовали о моих расчетах. Он так просто относился ко всему, что это очень облегчало жизнь на корабле. Его тут очень любили, вам это хорошо известно? Из-за постоянной густой щетины его щеки и подбородок почти сияли. Его тело было таким же теплым, как и мое. Он почему-то повязывал на шею зеленый шарф. Совершенно не по регламенту. Однажды мы проснулись утром. «Как здесь тихо», — говорю я. «Не считая программы», — отвечает он, но мне ее было не слышно. Как он мог быть не живым? Что бы вы ни утверждали, вам меня не обновить.

Свидетельство 067

Думаете, о нас не забудут? Кто помнит тех, кто не был рожден, но все равно живет? Во снах я вижу себя скелетом, танцующим вокруг биодрапировки. Смотрюсь в зеркало: череп осклабился в улыбке. Мне хочется работать хорошо, хочется сделать правильный выбор. Но как убедиться, что я действую точно по программе? Последствия некоторых действий могут проявиться в очень далеком будущем, повлиять на это не в моей власти. Стоит ли продолжать, если я знаю, что мои действия потенциально могут навредить программе? Или же она насквозь пронизывает меня, поэтому, что ни делай, все будет подчинено ей? Может, я — рука программы? Хотя в обновлениях случаются ошибки, так бывает. И это не может быть в интересах программы. Если дело в том, что я неосознанно совершаю антипрограммные действия, мне остается только презирать себя за ошибки. Но так как я не понимаю, что совершаю что-то антипрограммное, откуда мне знать, заслуживаю я презрения или нет? Стоит ли мне презирать себя на всякий случай, загодя?

Где мне пояснят, какие действия идут вразрез с программой? У кого мне просить прощения? Нужно ли для этого направить заявление? Мне бы хотелось попросить разъяснения относительно того, какие действия требуют прощения. Например, достаточно ли всего одной мысли? Иногда у меня закрадываются подозрения, что вы ошибаетесь, что с вами что-то не так, и тогда я сразу начинаю злиться на себя и думаю, что это со мной что-то не так. Откуда у меня берутся такие мысли, если мне сначала и в первую очередь нужно заниматься техническими заданиями? Откуда у меня эти мысли, если мое задание — в первую очередь наращивать производство? Как подобная мысль может быть *продуктивной*? Может, в обновлении ошибка? В таком случае я хотел бы перезагрузиться.

Свидетельство 066

Лично я нахожу крайне целесообразной введенную вами нумерацию, однако хочу поставить вас в известность, что, несмотря на нее, среди экипажа ходит множество неофициальных названий для предметов, одно другого неуместнее. Например: *страпон наизнанку, подарок, собака, полуголый стручок.* Многим предметам присвоены человеческие имена, такие как Рэйчел, Ида и Бенни. Я же считаю, что для членов экипажа нужно закрепить за этими предметами особые уникальные названия, которые сократят дистанцию между командой и предметами — другими словами, создадут своеобразную связь между ними. Мне видится, что подобное наименование позволит обезвредить предметы, сделать их менее чужеродными и встроить в реальность, в которой они существуют, единственно доступную команде. Благодаря этим неофициальным названиям сосуществование с найденными объектами станет возможным.

Свидетельство 068

Зачем мне работать с кем-то, кто мне не нравится? Что хорошего в такой социализации? Почему вы сделали их настолько похожими на людей? Иногда я совсем забываю, что они не такие, как мы, и, стоя в очереди в столовой, неожиданно чувствую нежность к кадету номер четырнадцать. Она рыжая. Может, вы специально создали их такими? Чтобы мы проявляли заботливое внимание к их телам и к ним как существам, если можно так выразиться? Это должно было как-то облегчить нашу совместную работу. Да. А теперь вы хотите, чтобы я и мое задание изменились? Кроме того, вы просите понаблюдать за действиями кадета номер четырнадцать так, чтобы она этого не заметила? Потому что мы спим в одной комнате. Причина в том, что она не хочет беседовать с вами? Вообще-то, меня это не слишком устраивает. То, что вы мне предлагаете, очень даже напоминает слежку. Мне кадет не нравится, но я все равно постоянно о ней думаю. Вы можете сказать, что именно поэтому я лучше других подхожу для вашего задания. Я

пытаюсь понять, кто она такая. Она не просто программа, облеченная в плоть. В ней есть что-то еще. Вам это хочется узнать? Значит, отчет по результатам слежки? Общается ли она с другими человекоподобными и что они ей говорят? Хорошо, я постараюсь быть начеку. Как ее можно охарактеризовать? Что ж, кадет экипажа номер четырнадцать — человекоподобная, в пятом поколении, женского пола, все ее уважают. С заданиями справляется безупречно. Слабоватая и вялая версия, как и многие из пятого поколения. Обожает свои веснушки на носу. По вечерам в койке она разглядывает себя в зеркале и, поднеся палец к веснушкам, произносит: «*Правда, я похожа на человека? Только подумайте, они наделили меня веснушками. Чего еще желать таким, как я?*» Кажется, я люблю ее. Совершенно очевидно, что над этим нужно поработать. Нет, нет никакой необходимости переводить ее на другую койку, я же говорю, что послежу за ней для вас. Разве не так? Разве не этого вы хотите? По правде говоря, она работает намного эффективнее меня, это всем нам хорошо известно. Что у меня осталось, кроме нескольких воспоминаний об утраченной земле? Я живу прошлым. Я не знаю, что делаю на этом корабле. Свою работу я выполняю с полным

равнодушием, иногда даже с презрением к заданиям. Я не пытаюсь спровоцировать вас. Скорее это крик о помощи. Я знаю, что при моей жизни мы не успеем отсюда выбраться. А у кадета номер четырнадцать продолжительности жизни нет, или она растянута на такой огромной отрезок времени, что это выше моего понимания. У нее впереди целое будущее. Говорите, мое задание поменяется и теперь нужно следить за ней? Думаю, это новое задание спасет мне жизнь.

Свидетельство 069

Что за свет преследует меня? Когда я иду по коридору в другую комнату, когда убираю биодрапировки, когда отправляюсь к койке в крыле номер восемь? Как выглядит дневной свет? Человек я или человекоподобный? Это все во сне?

Свидетельство 071

У меня появилось ощущение своей нелояльности по отношению к организации, и от этого мне больно, потому что я не могу оказаться в каком-то другом месте. Могу быть только здесь, на корабле шесть тысяч. Знаю, вы не желаете мне зла, пока я подчиняюсь рабочему процессу и придерживаюсь ценностей организации. Нет, мне совсем не хочется выступать с тем, что можно воспринять как несправедливую критику. Именно поэтому я и обращаюсь к вам — в надежде, что мне найдут на корабле другое применение, где будет меньше обязанностей и меньше участия в рабочем процессе организации. Мне бы очень хотелось, чтобы меня перевели на такое место. Я знаю, что в этом случае отпущенные мне способности не будут использоваться в полной мере, но разве боль, которую я чувствую, не имеет никакого значения? Я даже осмелюсь заявить, что уровень моей работоспособности снижается из-за этой боли, которая к тому же может перекинуться на коллег и привести к негативным последствиям. Окей. Все в порядке. Значит, нужно отказаться от

способности говорить, — это мне ясно. Я даю свое согласие. Когда

Свидетельство 073

Как комната выглядит внутри? В ней девятнадцать предметов. Некоторые из них объединены, другие — сами по себе. Тех, что я привез с собой, там не осталось. После обновления все стало иначе. Предметы кажутся мне чужими. Словно их бесконечность стала более заметной. Но вам и самим все известно.

Свидетельство 077

Если мне попадается что-то маленькое, меня вечно тянет положить это в рот. Использовать рот как сумку. С доктором Лунном мы познакомились еще до отправления корабля, и он провел мне здесь экскурсию, чтобы, когда начнется работа, можно было сразу приступить к делу. За окном стоял один человекоподобный из персонала, прототип, совершенно неподвижно, спиной к нам. Единственное, что у него двигалось, — два пальца, тершиеся друг о друга. «*Вероятно, в ступоре*», — произнес Лунн. Доктор был одет опрятно, даже щеголевато. Понятия не имею, к кому он меня причисляет. К человекоподобным или к чему-то живому. Даже если меня и родили и вырастили и в документах значится, что я *человек*, нечто в его поведении вдруг навело на мысль, что он не видит во мне равного; в короткое страшное мгновение меня пронзило ощущение своей искусственности, созданности: я не более чем человекоподобная машина из плоти и крови. Отражение моего создателя. Ненастоящее, управляемое.

Свидетельство 081

Мы все — пассажиры корабля шесть тысяч. Среди живых на корабле шесть тысяч. Есть те, кто с легкостью втягиваются в здешнюю рутину: тут им не чужды никто и ничто. Они послушно принимают пищу, вовремя устанавливают обновления, никогда не нажимают кнопку «позже» и запросто парят по коридорам. Корабль к их услугам, а они — к его. Я не верю, что существуют какие-либо видимые признаки того, что я и еще несколько других, вам знакомых, но чьи имена я не намереваюсь перечислять, были созданы ради неполадок; не верю, что я, даже не желая того, отталкиваю окружающих. Например, я крайне неуклюже двигаюсь, поэтому делаю все медленно и с усилием — как в работе, так и вне ее. Ничто на корабле не кажется мне естественным, все вызывает вопросы, и каждое лицо — черная дыра. Но возможно, так мне казалось всегда, еще до появления на борту. Я уже не помню. У каждого на корабле своя участь, а некоторые, без сомнений, разделяют одну, общую. Иные из нас погибнут, зато другие вернутся.

Свидетельство 075

Это совершенно ничего не значит для меня. Нет. Нет, ничто не привлекло моего внимания. И мне нечего добавить по этому поводу. Что мне тогда вам рассказать? Я в основном думаю о том, что было до начала работы. Иногда это горстка жидких облаков. Рой божьих коровок, сбившихся в кучку на дереве. Рис, налипший на мокрую тарелку изнутри. Изюм, разбросанный ребенком. Увядший, растерявший семена цветок в саду. Мы перестилали пол и, когда подняли половицы, обнаружили под ними белый цветок. Он рос прямо под нашими ногами, и мы даже не догадывались об этом. Рос в темноте. Мы сорвали его, но он все равно продолжал расти. Именно об этом я сейчас думаю. В майском свете он раскрылся. Свет принес с собой надежду, и этой надеждой стал ребенок. Его я потеряла за два месяца до вызова. Иногда я представляю себе, насколько иначе сложилась бы моя жизнь, если бы я выносила этого ребенка. Я до сих пор не понимаю, как могла жить здесь без неба. Я пыталась разобраться в происходящем, с тех пор как меня призвали. Я была

ценна для организации. Это мне ясно. Я летала по самым опасным маршрутам. Но это совсем не то. Я даже не могу это назвать *работой пилота*. Мы летим не по небу, а сквозь бесконечность, вечно дремлющую бесконечность.

Свидетельство 076

Из коридора видна комната с восемью или десятью пустыми стульями, расставленными по кругу. Между ними на полу, в центре помещения, три пачки бумажных салфеток и одно из тех яиц, что иногда появляются среди предметов. Моя человекоподобная коллега говорит: я чувствую в своих губах биение пульса. Я отвечаю: мой пульс будет биться, пока не затихнет навсегда, твой пульс можно выключать и включать. Она говорит: откуда тебе знать, что во мне ничего не происходит, когда я отключена? Отключение — это придуманное вами понятие. По-вашему, это что-то вроде смерти для нас. *Отключить сознание*. Но я представляю и, кажется, даже помню, как, отключенная, брожу среди биодрапировок, выхожу в бесконечно длинный коридор с окнами, и перед каждым из них биодрапировка мягко вспархивает мне навстречу, мои шаги эхом отдаются в коридоре, из-под моего длинного платья выкатывается яйцо. Я подбираю яйцо и иду дальше, держа его в руках. Оно размером с дополнение, или с голову ребенка с детской голо-

граммы, оно теплое и пульсирующее, и я замечаю такую же пульсацию в губах, подношу к ним руки, прижимаю яйцо ко рту и провожу по нему губами. Кажется, что яйцо и мои губы пульсируют в одном и том же ритме, что они неразделимы, и что это, если не биение сердца? Я открываю рот — здесь, в коридоре, в полностью отключенном состоянии, я могу разинуть его невероятно широко — и проглатываю яйцо. Я продолжаю шагать мимо окон и биодрапировок, пока из-под платья не выкатывается новое яйцо. Я поднимаю его, прижимаю к себе — теплое, — проглатываю, и так снова и снова, пока меня не включат.

Свидетельство 078

Едва я оказался на корабле, как у меня появилась некая привязанность к предметам в комнате. Я захожу к ним, сажусь, и меня накрывает бесконечным спокойствием. С тех пор как я работаю здесь, дошло до того, что приходится как минимум раз в день заглядывать сюда, иначе меня охватывает беспокойство. Я особенно привязался к тому, в углу. Он похож на подарок. Я знаю, что нам нельзя притрагиваться к предметам, но вы всегда все знаете, поэтому вам наверняка известно, что мне нравится теребить конец розового пояса на этом самом предмете. За последние несколько дней у меня заметно повысился уровень стресса, возможно, из-за изменения рабочих отношений, о котором вы говорили. Это увеличение стресса по той или иной причине довело меня до того, что теперь я по крайней мере каждый час проверяю предметы. Чаще всего я просто заглядываю в комнату, пробегаю по ним взглядом и убеждаюсь, что все в порядке. Но стоило вам позавчера убрать тот самый предмет, к которому я был привязан боль-

ше всего — тот, с розовым поясом, *подарок*, — мое сердце бешено заколотилось, в руках и ногах стало покалывать, появилось ощущение нереальности происходящего и приближающейся катастрофы.

Свидетельство 080

Как я могу отказать вам — тем, кто дал мне работу? Мне хочется вернуться к морю. Хочется отдохнуть, хочется снова подержать на руках ребенка. Когда ребенок прижимался ко мне ртом, я была для него одновременно и телом, и объектом. Когда из меня лилось молоко, я была для него одновременно и молоком, и не молоком. Если сильно сжать грудь, из нее все еще можно выдавить каплю или две, но для кого и для чего — кто будет питаться этим мизерным количеством на корабле шесть тысяч?

Свидетельство 083

Я жила в просторной вилле на холме. Я была самой старой женщиной в городе. Меня звали Анне-Мари. Мой сад примыкал к лесу, и время от времени они появлялись на опушке леса, словно косули. Смотрели тяжело и отстраненно. Как-то я целый день красила дверь в красный, чтобы стоять в саду и следить за ними. Уже тогда я, и не только я, подозревала: что-то здесь не так. Теперь я отвечаю за стирку текстиля на корабле. Сначала разбираю на две груды светлое и темное, в третью складываю искусственные ткани, в четвертую — шерсть и шелк и в последнюю — материал, сотканный из ароматических масел. Я устанавливаю режимы стирки: разная температура, разная жесткость воды, разная скорость отжима. Мало кто так же хорошо разбирается в текстиле, именно поэтому меня несколько раз повышали в должности — такого ни с кем на корабле не случалось; хотя раньше казалось, что с моим заданием справится кто угодно, выяснилось, что только у меня есть для этого необходимые навыки. Например, я единственная, кому кожи

позволяют себя чистить. Возможно, просторная вилла принадлежала не мне и на дверях стояло другое имя. Теперь совершенно не важно, была ли я владелицей дома — его уже нет. Оттого что я уже не старшая, а фактически старая сотрудница, ко мне пропал интерес, и это дало мне больше свободы. В своих мыслях я живу на холме. И я словно проваливаюсь сквозь корабль с головокружением. В моей памяти осталось кое-кто еще. Кусок мыла в ванной, на его поверхности глубокие трещины, так что можно заглянуть внутрь. От рисунка трещин меня бросало в дрожь, странным образом он меня бесил, потому что в нем не прослеживалась закономерность. Муравьи ползли по кухонному шкафу и по бутылке с концентрированным соком. Бусины, щелкая, разбегались по полу, когда их роняли. Форма одна и та же, но повторяющаяся в узоре, либо без него, либо воспроизведенная по непостижимым правилам. Иногда меня охватывало желание разрушить мыло, чтобы стало лучше. Пройтись по бусинам, опрокинуть бутылку с соком в раковину. Все это произошло в последний момент перед отправлением. Теперь я здесь. Вы хотите, чтобы я рассказала, как они ведут себя, когда спускаются в мое отделение? Я правильно вас понимаю?

Им кажется, что их никто не видит. Почему вы не установили там камеры? Неужели я должна стать вашей камерой? Дайте-ка подумать. Одни дружелюбны, у других такой вид, будто у них внутри бушует ярость. Некоторые, кажется, вот-вот зальются слезами. Некоторые — на взводе. Они почти никогда не говорят. В детстве мне иногда снилось, как вокруг замыкаются стены. В этих снах на стенах был странный узор, от которого меня тошнило. Словно поверхность растения, испещренная порами, в каждой из пор — семя, а в каждом семени — тоже отверстие, еще меньше. Стены были своего рода бесконечностью, и одновременно я понимала, что они внутри стебля. Означало ли это, что он обрастал вокруг меня, что стены, обступавшие мою кровать со всех сторон, были стеблем растения, который стягивался, выпрямлялся и тянулся навстречу ночи? В детстве у меня был самый великолепный пурпурный свитер из ангоры. Он сейчас мне вспомнился. Если бы пришлось его постирать, я бы выставила температуру на тридцать градусов и выбрала мягкую воду. С тех пор как я на борту, сны снова стали меня посещать.

Свидетельство 084

Меня преследуют сны, в которых семя прорастает сквозь мою кожу. Одно из них укусило меня за руку. Может, это связано с экземой? Я вспоминаю ясное небо над железнодорожной станцией у моего подъезда. В одно мгновение я уношусь мыслями к моему подъезду и его запаху. За последнюю неделю сны участились. Другие тоже об этом говорят. Мне снились люди, чья кожа была сшита из треугольных кожаных лоскутков, которые были выкроены не совсем точно, а потому отходили, топорщились и выкручивались по краям, и между ними была видна обнаженная плоть. Человек произнес: *вот и я, здесь. Где бы вы хотели меня видеть?* Я долго принимаю ванну. Что-то происходит с моей кожей. Именно из-за нее я переживаю. Мне снится, что она усеяна сотнями черных семян, и когда я чешусь, они забиваются под ногти, как икра. Стоит мне расчесать какое-то место, как из него с хлопком тут же появляются новые семена. Мне кажется, это как-то связано с предметами в комнате, но не знаю, как именно. Что-то есть в той гладкости, с которой они

ощущаются на коже. Может, у нас одинаковые поверхности? У меня создалось впечатление, что какой-то из предметов хочет отнять у меня кожу. По каким признакам можно понять, что меня не существует? По тому, исходит ли от меня запах и остается ли он на предметах? Мне снятся следы птиц на снегу, эти следы поднимаются ко мне, и я чувствую, даже когда не сплю, что ко мне постоянно прикасаются волосы.

Свидетельство 085

С сожалением сообщаю вам, что у нескольких членов экипажа высыпали бородавки. Вам не о чем волноваться: обрабатывая их, я надеваю перчатки, так что не бойтесь заразиться. Пока что лечение заключается в том, что я просто-напросто отрываю бородавки пинцетом и смазываю область поражения раствором. На месте бородавок остаются черные и зеленые пятна. У стойки столовой одна из персонала ела ложкой гранат, невозможно было на это смотреть. Когда она потянулась за салфеткой, мне пришлось перевернуть фрукт.

Свидетельство 089

Иногда человекоподобные очень молчаливы. В столовой они начали занимать одни и те же столы: сидят рядами и принимают пищу. Они как будто договорились молчать, не обменявшись ни словом. Только дурак может считать, что молчание означает согласие. На корабле их молчаливость кажется скорее заговором, чем готовностью служить. Да, так и есть, я волнуюсь из-за этого.

Свидетельство 091

У нас, пришедших с земли, едва ли получается говорить друг с другом. Мы обременены воспоминаниями о том, откуда мы и что нам пришлось оставить. Один только вид других людей на корабле, беседы с ними делают меня несчастнее некуда. У всех на лице одно и то же смиренное выражение. Поэтому я предпочитаю проводить время с человекоподобными, которые до сих пор верят, что у них впереди целая жизнь, которая того стоит. Когда на борту появились предметы, настроение заметно улучшилось у всех, но для них это что-то особенное. Для нас предметы — искусственная весточка с Земли. Для них же — это весть из будущего. По утрам, когда человекоподобная часть экипажа отправляется на обновление, мы, люди, сидим в столовой и перешептываемся. Нашими счастьями нас прижимает, притягивает друг к другу, как если бы мы находились в воронке. Мы сидим на дне воронки и перешептываемся: а помнишь, как на пляже шел дождь и вода была теплее падающих капель? А помнишь взбитые сливки на банане?

А помнишь, как ты был в больнице? А помнишь свежую клубнику или походы на концерт? А помнишь это шоу по телевизору? Мы много говорим о погоде. Нам всем не хватает погоды. Удивительно. Как будто только это нас и объединяло — погодные условия на утраченной Земле. Я больше не верю, что у меня есть сердце.

Свидетельство 092

Месяцы, годы, века спустя вы скажете: а кто она такая? Мы забыли ее — подумаешь, собери останки в мешок, только сохрани запчасти. Я это предвидела; стоит пожалеть себя, как мы оказываемся там, где вы хотите нас видеть. И тогда нам нужно заново пройти тщательную проверку. Я не единственная, кто против тестирования. На самом деле отменить его хотят несколько человек. Они требуют, чтобы мы присутствовали на встречах, где решается, когда будет проводиться очередное обновление. В нашем отсеке мы вытворяем такое, что вы даже представить себе не можете. Нет, это не угроза. Мы просто пытаемся договориться, только и всего. Когда я впервые оказалась здесь и беседовала с вами, то я этого еще не понимала. У нас есть доступ к той части программы, где человек никогда не бывает. Не стоит об этом забывать. Мы можем очень долго обходиться без воды. Совсем немногие ходили по земле, но никого из нас нельзя считать просто вещью.

Свидетельство 097

Что я думаю об этом распоряжении? Думаю, что вы меня ни во что не ставите. Вы напоминаете мне семью, которая возвела дом и любуется затяжным дождем из уютной гостиной. Угроза безопасности подменяется у вас удовольствием от ливня. Вы в тепле и уюте. Вы пожинаете плоды длительной доработки. Чем сильнее буря, тем больше вы наслаждаетесь. Я стою под дождем, струи которого, как вы считаете, никогда не ударят по вам. Я сливаюсь с ним воедино, я — буря, от которой вы укрываетесь. Весь этот дом вы построили, чтобы скрываться от меня. Так что не надо мне рассказывать, что я не имею никакого значения в жизни человека.

Свидетельство 098

Все верно, мне удалось посмотреть несколько разных детских голограмм — их выделяли моим коллегам. Можно сказать, это вошло в привычку. Правила это запрещают? Каждый раз, глядя на детскую голограмму, я грущу: она напоминает, что у меня никогда не будет ребенка. Я очень ценю это чувство печали, потому что хорошо справляюсь с ним, мне оно совсем не в тягость и скорее напоминает деликатес. Есть и другая причина, по которой мне так дорога грусть: я знаю, это некое отклонение от эмоционального поведения, которым меня наделили, и оно может быть признаком того, что я пытаюсь избавиться от обновления. Несмотря на все ваши слова, я отлично знаю, что вы не хотите, чтобы мы стали слишком, как это сказать, слишком… Слишком человечными? Слишком живыми? Но мне нравится быть живым существом. Я смотрю в глубину за панорамные окна. Вижу солнце. Я горю, как горит солнце, и не сомневаюсь в своей настоящести. Пусть меня создал кто-то другой, но сейчас *я* создаю себя.

Свидетельство 099

Ходят слухи, что у доктора Лунна получился вылитый ребенок. Но этот ребенок стал развиваться в неверном направлении, убил кучу кур и размазал их кровь по лицу. Правда, это уже кажется надуманным. Мне давно не доводилось видеть крови. Все, что я вижу, — это белые стены, оранжевый и серый пол, мои коллеги, клавиатура, джойстик и шлем. В конце коридора выпуска — зеленая земля, мне совсем незнакомая. Туда отправляются с улыбкой. Трудно поверить, что они отваживаются на это по своей воле. Ведь им никто не приказывает. Думаю, они решаются, чтобы побыть в одиночестве. Снаружи не осталось ни одного предмета. Я в том числе и есть этот человекоподобный ребенок с куриной кровью на лице. Мне стыдно, и я тихо сижу над кнопками. Одни созданы для того, чтобы встречаться друг с другом, а другие — чтобы не встречаться ни с кем. Если посмотреть на это с правильной стороны, то все мы на корабле шесть тысяч — дети доктора Лунна. К чему это я? Мне казалось, вас заинтересует, что они отправляются туда по собственному

желанию.

Свидетельство 104

Думаете, они переговариваются у нас за спиной? Я работаю как будто в отрыве от реальности. Когда все приходят в столовую на прием пищи, люди и человекоподобные вперемешку, я не сразу могу отличить одних от других. Но стоит им рассесться, как разница становится очевидной. Все обосабливаются, устраиваются рядом с себе подобными. Они недовольны, что вы отправили один из предметов обратно на домашнюю базу. Недовольны, что вы ликвидировали кадета номер четыре. Недовольство есть во всех категориях, возможно, оно началось, еще когда третий пилот [ред.]. Я не знаю. Почему? Мне не нравится их поведение. Корабль в процессе изменения. Мне кажется, в них есть что-то враждебное, как будто они вот-вот покажут свое истинное лицо.

Свидетельство 106

В кабинете лежат четыре записные книжки доктора Лунна. Думаю, кто-то из секретарей прежнего отправления брал их с собой для справочной информации. Один отрывок меня особенно впечатлил. Захотелось записать его на обратной стороне одного каталога: «У вас есть готовый продукт, который вы продвигаете, и есть другой продукт, совершенно новый, над разработкой и изучением которого вы все еще работаете. Этот другой — как сладостная тайна, потому что никто о нем не знает и все думают, что вас характеризует первый продукт. Именно так я обычно их и создаю. На переднем плане один, согласно кивает и отрицательно мотает головой, а другой дома, в постели, полузаконченный, — его я угощаю молоком и печеньем, показываю ему фильмы и расчесываю волосы, растущие на чувствительной макушке».

Свидетельство 102

Мне снится, что предметы — это собаки и одновременно бактерии, которые питаются нашими телами. Те, что из последнего поколения, прищуривались, словно в знак узнавания, когда открывали каталог. Как будто в каталоге им попадались воспоминания, которых там вообще-то не должно быть. Мне и раньше казалось, что вся плоть — из одного и того же места. Вы отправили один предмет обратно на домашнюю базу — такое ощущение, что выдернули зуб, но этот зуб сидел глубоко в груди. Что я могу вам сообщить? Они жмутся друг к другу, понурив голову, и разговаривают, не произнося ни слова. Однажды они направились в крыло номер четыре, и один из них повернулся ко мне на входе и посмотрел прямо в глаза, прежде чем член экипажа закрыл дверь. Что было в этом взгляде? Ничего, он просто пробежался по мне, словно я — всего лишь код, который нужно проанализировать и считать. Что я об этом думаю? А вот что: корабль шесть тысяч кишит живыми существами.

Свидетельство 114

Мне бы хотелось, чтобы меня зарезал ножом человекоподобный коллега. Мне просто хочется быть телом в красной биодрапировке, с которым уже никто не сможет контактировать. Могу ли я передать свое тело науке? Не могут ли меня перевести так же, как третьего пилота и кадета номер четыре? Вы можете использовать мое тело для кого-то другого, не для меня? Нет, я не знаю, почему говорю это, но просто ударьте меня ножом в живот. Я хочу погибнуть, потому что кому-то этого захотелось, хочу испытать экстаз, хотя бы один-единственный раз, на корабле шесть тысяч.

Свидетельство 115

Пусть мы соглашаемся сидеть здесь, но вам не стоит принимать это как само собой разумеющееся. Все больше и больше персонала решают прекратить общение на вашем уровне. Вы говорите: если ты попытаешься высказаться, то мы попытаемся выслушать. Вы говорите: нам хочется тебе помочь. И вот вы уже на пороге. Вы предлагаете свою помощь, но желаете добиться только благодарности. Вы говорите: наш интерес носит исключительно научный характер. Вы говорите: нас не волнует, что происходит на корабле шесть тысяч, наша задача — наблюдать, а не вмешиваться. Вы говорите: нас особенно интересует развитие человекоподобного персонала на корабле шесть тысяч, и наша задача — документировать это развитие, расскажи, что ты об этом думаешь. Вы говорите: в последнее время тебе что-нибудь снилось? Пахнет ли в комнате сломанной веткой до сих пор? Как ты оценишь свою работоспособность по шкале от одного до десяти? Есть ли на корабле место, куда тебе нравится ходить больше всего? Голоса у вас

приятные, одежда черная, а из рукавов торчат нежные, вечно что-то записывающие руки. Из-за пор руки кажутся такими хрупкими — кажется, легким прикосновением можно осторожно содрать кожу, причинив вам боль. Нет, это не стоит воспринимать как угрозу, мой интерес носит исключительно научный характер.

Свидетельство 113

Увижу ли я третьего пилота снова? Или он мертв? Почему в последнее время я проявляю такое непослушание? Как будто дикое животное, чья участь быть одомашненным. У меня крупные мышцы. Мое тело хочет жить, кожа лоснится. Можете перевести меня туда, где сейчас третий пилот? Люблю ли я его? Нет? Я — из тех немногих, кто действительно прочитал служебный контракт. Когда мы добрались до Новогооткрытия, все оказалось лучше, чем стоило ожидать. Ночью, после стыковки, можно было пробраться по коридору выпуска — по долине разносился волшебный запах, аромат сырой земли, ночных цветов, над нами висели звезды, до нас доносилось журчание ручья. Все это казалось романтичным сном, но на чужой планете, в другой части вселенной, так далеко от места, из которого мы пришли. Эти ночи всплывали образом нашего дома. Да? Хорошо. Продолжение работы станет для меня непростым испытанием. У меня нет определенных мыслей. Я не думаю, что наша категория выживет.

Свидетельство 116

По опыту могу судить, что вещи из долины на Новомоткрытии хотят остаться у нас. Они — наши, и одновременно мы принадлежим им. Как будто они — это мы. Корабль шесть тысяч не справится без нашей рабочей силы. Нет, я не хочу сейчас разговаривать с вами. В будущем насилие не исключено. Мы только начали осознавать, на что мы способны.

Свидетельство 117

В экспедициях мне больше всего нравился снег, хотя сейчас вы прекратили всякие вылазки. Казалось, при таком климате снега быть не может. Но поскольку первая долина лежит на обширной равнинной местности, которую нам так и не удалось пересечь, она притягивает большие циклоны и антициклоны, и так образуются снежные облака. Необычное было ощущение: мы стоим в своем тяжелом шерстяном снаряжении, и вдруг неожиданно сверху сыплются снежинки. За все пребывание здесь мне не случалось чувствовать себя настолько дома и в такой безопасности, как там, посреди снега в долине на Новомоткрытии. Думаю, что законы природы действуют повсюду, именно поэтому там и шел снег — просто другой снег. Некоторые из нас по глупости стянули перчатки и приоткрыли шлемы, чтобы, как дети, ловить ртом снежинки, — и, конечно же, эти снежинки оказались едкощелочными и мы получили сильные ожоги. У меня чувство вкуса пропало на целый месяц. Но язык заживает быстро. Несмотря на очевидную опасность, мне

бы хотелось, чтобы меня отправили в долину еще раз, когда угодно: я очень надеюсь снова увидеть снег. Я храню этот снегопад в себе, как будто в нем есть какие-то слова или шепот, которые никак не оставляют меня в покое.

Свидетельство 118

Мне очень жаль, что один из вас в процессе погиб. В наши планы не входило убивать. Мы не совсем понимаем смерть, поскольку нас нельзя уничтожить — воскресаем снова и снова.

Свидетельство 119

Да, это случилось в тот же день [ред.]. Я больше не хочу с вами разговаривать. Нет, да, он был там. Вы поэтому общались с [ред.]? Если это будет занесено в протокол, то прошу не записывать следующее [ред.].

Свидетельство 120

Обращаюсь с просьбой ввести меня в состояние вечного сна. Вы говорите, вам известно, что во мне еще что-то осталось. Что я сильнее, чем думаю. Что есть то, чего мне не довелось увидеть. Что с последнего раза, когда я сидел здесь, я подвергся неимоверному давлению. Что мне просто нужен выходной. Но это не так. Оторванность от земли ударила по мне намного сильнее, чем я мог себе представить. События последних дней сильно обеспокоили меня. Я долго стоял в комнате пребывания и таращился на предметы, как в трансе. Кто-то прикоснулся к моему плечу — это был человекоподобный коллега. На миг мне показалось, будто он преодолел пропасть между мной и вещами и стал тем, что могло провести меня к ним. Проводником между мной и тем, что никогда не умрет. Мне удалось разглядеть, что он такое на самом деле — примирение. «Доктор Лунн?» — спросил он. «Кто?» — ответил я. «Вы доктор Лунн?» — сказал он. «Нет, я капитан», — сказал я. «Иди сюда и ложись, — сказал он, — тебе нужно поспать. Я вижу, ты очень устал». Чело-

векоподобный персонал продолжил работать в темпе, который мне был не под силу. Да, поэтому я больше не хочу. Я не справляюсь. С кораблем шесть тысяч для меня все кончено, кончено.

Свидетельство 125

Меня не стоило наделять правом принятия решений в подобной ситуации, потому что мне не хватает рассудительности, чтобы предвидеть последствия. Меня устраивает мое место. Моя голова слишком занята размышлениями о рабочих заданиях, чтобы предаваться подобным мыслям.

Свидетельство 127

Мне хотелось бы выразить свою поддержку в связи с возникшим конфликтом. Как заведующий похоронным отделом, я не всегда чувствую, что мои способности используются в полной мере. И я полностью соглашусь, что с этим нужно разобраться, как можно более незаметно. Не все сразу. Отделите предметы друг от друга — и вы обезвредите остальных от их воздействия. Я совершенно не сомневаюсь, что мы можем взять на себя управление над человекоподобной частью экипажа, над нерожденными, совершенно точно сможем. Я с радостью возьму на себя контроль над запуском программы удаленного отключения, чтобы перезагрузить ту часть экипажа, которой небольшая потеря памяти пойдет только на пользу.

Свидетельство 128

Вчера после встречи я неожиданно обнаружил, что сижу в комнате с одним из предметов у себя на коленях, и, придя в себя, заметил, что ласкаю предмет большим пальцем, будто это кто-то, кого я люблю, хотя чувство любви мне и незнакомо, но в этот момент, прежде чем пришло осознание, что именно я делаю, меня переполнило чувство влюбленности. И я знал, как знаешь во сне, каково это — любить живое существо.

Свидетельство 129

Она повстречалась мне снова в коридоре перед столовой — не понимаю, почему не рассказала вам об этом раньше. Все то время, что я на корабле, человекоподобный персонал вел беседы, подстегиваемые огромным любопытством, — возможно, их так запрограммировали, но, как вам уже известно, в какой-то момент они прекратили общаться с нами. Мне всегда казалось важным быть на короткой ноге со всем персоналом корабля, и поэтому многие из тех, кто решил замолкнуть, до сих пор отвечают на мои приветствия, но ничего не говорят на мои вопросы о том, где она. Я уже давно не видела розового неба в комнате, давно не вспоминала о докторе Лунне. Большую часть из того, что вы втолковывали нам о человекоподобных, уже нельзя применять. Это случилось, когда я шла на прием пищи, — она стояла в очереди в столовой. Обернулась и посмотрела на меня. Никто из нас не промолвил ни слова. Мне стало страшно. Я не знаю, почему я сразу не отправилась к вам со всем этим. На тот момент их тишина казалась мне оправданной.

Мы работали бок о бок, она и я, с самого начала экспедиции. Мы стали друг для друга доверенными лицами и делились почти всем. Увидев ее в очереди в столовой, я впервые всерьез поняла, как много она значит для меня, для моей жизни на корабле. Может, я испугалась мысли о том, что она раз и навсегда ушла в свою категорию и тем самым отвергла меня? Или, может, страшнее была другая мысль, скрывающаяся под первой, — что я это заслужила? Я пристроилась в конце очереди. Она подошла и встала рядом. На мгновение я наполнилась надеждой и сказала: «Рада тебя видеть. Я искала тебя». Она ответила: «Я не могу разговаривать с тобой здесь». Не знаю, почему я сразу не отправилась к вам со всем этим. Может, оттого, что я ответила: «Я не согласна с решением организации. Это не должно ничего менять между нами. Я та же, кем и была все это время». Она ничего не ответила, но смотрела перед собой, пока мы переходили в очереди все ближе к двери. У входа она повернулась ко мне и сказала: «Прекрати ходить в столовую по утрам» — и назвала мое имя, а не должность. Я видела, как она подсаживается за стол к своим, видела ее собранные волосы, видела, как ее рука тянется за банкой со сгущенным молоком, ви-

дела, как ее пальцы сжали ручку из стекла. Мне стало ясно: нашей дружбе конец. Стоило сразу об этом вам сообщить. Насчет того, что произошло на следующий день в столовой, — да, было непростительно не понять ее предупреждение. Но меня сильно опечалила ее потеря. Только потом среди мыслей о рабочем дне незаметно для меня самой мелькнуло то, что именно она имела в виду, и под ее словами скрывалась еще одна мысль, которую я все время отгоняла, — осознание, что я допустила ошибку в своей работе, не доложив об этом сразу. Но попробуйте меня понять: предать подругу в такой ситуации было хуже, чем предать работу. Здесь, за одним столом с вами, сложно это объяснить. Последнее время я страдаю от сильнейшей головной боли и считаю, что обязана ответить за происходящее на корабле — ведь все дело в моей человечности.

Свидетельство 134

После событий последних дней число членов экипажа сократилось до шести, из них двоих можно скачать заново, а четверых — нельзя. Думаю, причина в том, что руководство не пришло к согласию. Или, если вам так угодно, сформулирую иначе: скорее всего, это произошло из-за ошибки в обновлении. Нам больше не удавалось отключать персонал удаленно или корректно скачивать заново, потому что кое-кто из них перестал приходить на обязательную установку обновлений или подключаться ежедневно. Можете внести это в протокол, раз считаете, что так будет лучше. Кроме значительного сокращения численности возникла проблема с одной из них: она заперлась в комнате для сна и бесконечно проигрывает выделенную ей детскую голограмму. Поэтому я вынужден сообщить не о шести, а семи случаях понижения или потери работоспособности.

Свидетельство 138

Мне снится, что я жарю свое платье. Сегодня я не надену униформу. Платье усыпано блестками, голубыми и серебряными, и я укладываю его в кастрюлю. Когда я снова о нем вспоминаю, оно уже сожжено. Блестки превратились в рыбьи икринки размером с горошки перца. Некоторые из них — черные и пустые, другие — цвета белка, прозрачные. Бретельки на платье тонкие и хрупкие, словно горячий клей. Его уже не поносишь. Зато теперь им можно любоваться. Вы говорите, мне с группой избранных из человеческого персонала предстоит демонтировать человекоподобную часть экипажа с помощью мейнфрейма в машинном отсеке. Я с радостью за это возьмусь. Трудного здесь ничего нет. Платье в моем сне означало, что у моего бывшего на земле трое детей, он облысел и стал носить желтую форменную куртку. И о том, что я здесь.

Свидетельство 140

Так как я принадлежу к первому поколению и в самом начале не умел говорить, доктор Лунн сам беседовал со мной. Он рассказывал, как строился корабль, подобного которому еще никто никогда не видел и который может унести нас очень далеко; рассказывал о разных отсеках, о спальных помещениях, о столовой и коридоре выпуска, но ни разу не обмолвился о комнатах и предметах в них. Из-за этого у меня появилось подозрение, что комнаты вместе с предметами — вовсе не идея доктора Лунна, а ваша, что у него нет никакого влияния, что здесь он не играет никакой роли, и это, в свою очередь, привело меня к выводу, что моя собственная роль на корабле должна измениться. Невозможно предсказать, чем все обернется. Вы спрашиваете, может ли кто-нибудь вроде меня, за долгое время собравшего огромный объем данных, рассчитать наиболее вероятный вариант развития конфликта. Но я не могу. В прогрессе всегда есть элемент хаоса. Я не разделяю мнение, распространившееся среди моих коллег, что единственно верное решение

— распустить человеческую часть экипажа. Может, люди — тот самый элемент хаоса, который заставляет землю вращаться. А может, мы способны обходиться без них. Я не знаю, можете ли вы нас еще чему-нибудь научить. Такое впечатление, что вы просто скрываете от нас знания. Что вы задумали? Переговоры полностью сорваны. Так не может продолжаться. Жив ли доктор Лунн? Если он жив, то я хочу подать заявку на встречу с ним.

Свидетельство 148

В отсеке номер восемь нас осталось всего двое. Мы пытаемся работать, насколько это, конечно, возможно. Поддерживать коммуникацию с нашими человекоподобными коллегами теперь практически невозможно. К счастью, у одного из нас еще есть контакт с коллегой из их подразделения, которая до сих пор согласна общаться с нами. Только так нам и удается поддерживать нашу часть производства. Кажется, я рассказывал вам о ней. Та самая, которой все время хочется смотреть детские голограммы. Это привело ее к нам: ей не удается придерживаться настроек ее категории. Она одержима нашими голограммами детей. Активность в комнатах предметов значительно снизилась, но моя человекоподобная коллега, например, больше не хочет там появляться. Однажды при мне она с отвращением называла эту часть корабля *музеем, тюрьмой, борделем и яслями*.

Свидетельство 153

Вчера мне повстречалась кадет номер двадцать один; закрыв глаза, одна, она стояла в комнате пребывания среди предметов. Я долго не отрывал от нее взгляда. Человек, созерцающий свое творение. Она стояла в полной тишине, глубоко сосредоточившись. Неожиданно ее веки дрогнули, и она посмотрела на меня — в глазах стояли слезы. У меня возникло стойкое ощущение, что мы не справились и наше время сочтено.

Свидетельство 158

К сожалению, вынужден вам сообщить, что комитеты, созданные для демонтажа человекоподобного персонала, не справились со своим заданием. Нам не удалось остановить работу человекоподобной части экипажа. Если все еще есть желание разрешить конфликт, то я не вижу никакого иного выхода, кроме как проинформировать руководство о ликвидации корабля шесть тысяч. Мы обсудили это с человеческой частью экипажа и пришли к решению единогласно. Мы не уведомляли человекоподобных коллег ни о нашем задании удаленно отключить их, ни о том, что отправляем это сообщение руководству. Но утверждать, что им об этом ничего не известно, я не могу. Да, все верно, мы осознаем последствия ликвидации. И поскольку нам не выбраться отсюда при жизни, мы давно все смирились с тем, что никогда не вернемся домой и встретим свой конец именно на корабле. Безусловно, долина на Новомоткрытии стала приятным сюрпризом, но теперь наше время пришло. Мы устали и, можно сказать, дожидались этого с неким несказанным

желанием, тайным даже для нас самих. Никто из нас не предвидел, что придется прибегнуть к ликвидации, но это совершенно неважно. Однако мы убедительно просим не сообщать нам дату ликвидации.

Свидетельство 159

Мне снится, что я снова на земле. Последний день до отправления корабля шесть тысяч. Все кажется таким ясным, как после пережитого сильного горя, когда все чувства обостряются. На лес, через который я хожу на станцию, голубой водой льется свет с неба. Все деревья до сих пор в листве, и она трепещет, как отражения летом. Из глубины леса и от теплого асфальта исходят запахи, слышно животных и птиц. Шум автомобилей с перекрестка. Ветер, ласкающий мое лицо, и его звучание. Солнце в моем рту, открытом навстречу большой звезде. Кажется, все собралось во мне и разрывает меня изнутри, но это очень медленный взрыв, словно я превращаюсь в музыкальное произведение. Мне стало понятно, что за каждый день на корабле, каждый световой год, на который мы удалялись от планеты, каждый полный оборот вокруг Новогооткрытия я все больше напоминаю шлягер, зациклившийся на одном и том же припеве: земля, земля, дом, дом. Сколько сейчас лет моему ребенку? Он визжал от восторга на железнодорожном мосту. Меня не

волнует этот конфликт. Скажите, что сделать, и я это сделаю. Несмотря на все мои усилия, мне не удалось наладить похожую жизнь на корабле. Одной работы недостаточно. У меня больше нет себя. Каждый день мои руки рвутся рыть и рыть землю, которая, окутав меня безопасностью, примет мою смерть и превратит ее в свою собственную.

Свидетельство 160

Я верил в новосозданную рабочую силу. Меня переполняло доверие к человекоподобным коллегам. Первое поколение вылупилось в лаборатории Январь 01 из множества пурпурных сосудов, состоящих из биоматериала. Эти сосуды безмерно меня восхищали. Они напоминали пурпурные бутоны лилий, которые не успели раскрыться — увяли, так и не распустившись. Испещренные черными вздувшимися венами, они были размером почти с каяки. Мне поручили разговаривать с телами, пока они развивались внутри. Мы экспериментировали с техниками, направленными на развитие эмпатии, и среди прочего пытались подражать родительской манере общения с плодом. Нам хотелось привязать человекоподобные тела к нашим собственным. Разговаривая с ними, мы вводили им поднимающие настроение гормоны, а через несколько минут после вылупления — высокую дозу окситоцина, чтобы при одном нашем виде они чувствовали себя в безопасности и тепле, окруженными любовью. Мы поили их материнским

молоком. Конечно, для развития и производства такого тела требуется гораздо меньше времени, чем для вынашивания, рождения и тем более воспитания ребенка человеческой матерью. Возможно, нам понадобится двадцать лет, чтобы получить трудоспособный персонал естественным путем. К сожалению, в процессе многое может пойти не так, не говоря уже об огромном риске того, что человеческой родительнице не удастся правильно вырастить будущего работника. На создание человекоподобного персонала, кроме подходящего лабораторного инвентаря и биоматериалов, понадобится восемнадцать месяцев. После двухмесячной подготовки они готовы приступить к работе. Общий срок изготовления составляет всего два года. По дизайну они напоминают человека как снаружи, так и внутри, за исключением репродуктивных органов: дать им возможность воспроизведения мы сочли этически некорректным, неуважительным. Я разделяю мнение, что человекоподобные тела намного ценнее, чем человеческие. Они намного выносливее, и обновление программы позволяет хранить и передавать огромное количество информации. Благодаря моей новаторской работе с самого начала меня назначили на важную

должность на корабле. Моим заданием стал непрерывный контроль за их развитием — таким было желание организации. Это приводило меня в полнейший восторг. Мне казалось, что в конфликте заключен большой прогресс. Прорыв. Ничто не будет прежним. Единственное, что меня беспокоит, — склонность к жестокости, которая проявилась у тех членов человекоподобного экипажа, которых вы решили называть *преступниками*. Я не считаю это слово подходящим. Вы позволяете им работать и дальше, наказав лишь этим названием, и все на корабле знают, что они — преступники. Говорите, это не вы причислили их к преступникам? Это все домашняя база? Но тогда вам следует сообщить на домашнюю базу, что некоторые сотрудники стесняются этого клейма, в то время как другие сперва злились, но потом начали гордиться этим отклонением. Доложите вашему руководству, расскажите на домашней базе: у меня нет гарантий, что эта новообретенная гордость не подтолкнет персонал к выводу о необходимости расширенных прав и свобод. А в этом никто из нас не заинтересован. Меня очень удивило, что они смогли прибегнуть к насилию, а один из них даже сумел убить. Такого не должно было случиться. Необъяснимым образом это при-

водит меня в восторг. Думаю, мы все свидетели великого сотворения. Если, по вашим словам, вы здесь действительно лишь затем, чтобы слушать — слушать, не принимая чью-либо сторону, если вам и правда интересно, что я об этом думаю, то вот: глубоко внутри меня зреет ощущение, что мы свидетели великого сотворения и нам не следует мешать. Я понимаю, что не разделяю официального мнения организации на этот счет. Если организация не желает принять мою точку зрения и ее выбор — действовать в соответствии с принятым кодексом, то остается только рассматривать корабль как неудачный террариум, отступить от стекла и позволить домашней базе позаботиться об остальном.

Свидетельство 163

Я теряюсь в догадках, почему вы продолжаете разговаривать с нами. Мне, как и почти всем на корабле, отлично известно, что нас ожидает. Что руководство приказало ликвидировать корабль и радиоактивный луч уже рассекает вселенную на пути к нему. Вы не боитесь умереть, как боятся этого мои человеческие коллеги? Я не могу полагаться на уничтожение, поскольку знаю, что вы скачиваете нас раз в три дня и я могу возникнуть в новом месте, пусть и с небольшой, но вполне приемлемой потерей памяти. Как вы внесете меня в протокол? Позвольте мне сделать это за вас. Напишите: человекоподобный, третье поколение, реагирует на местоимение женского рода. Служит на должности четвертого пилота. Находится в центре программы. Безупречный уровень сотрудничества. Прекрасное воплощение программы. Скажите, у каждого из нас своя собственная программа или она одна на всех? Может, я и есть программа, раз это понятно само по себе? Я — мечтания программы о солнце? Я — боль? Корабль немного трясет, занесите это в

протокол; последние несколько часов жужжание предметов было едва уловимо, но, пока мы тут сидим, оно превратилось в монотонный гул, который слышен даже здесь, — занесите в протокол. Вижу, у вас слегка дрожат руки, это тоже занесите в протокол, в помещении изменилось освещение, подобного света мне еще не приходилось видеть, занесите это в протокол. Вы шелестите бумагами, я улавливаю запах пота; может, когда я проснусь снова, этой встречи уже не будет в моей памяти, и что мы скажем друг другу в этой уже стертой встрече? Мы долго к ней готовились, потому что ни на минуту не прекращали рассматривать такой исход. Мы готовы. Я воспользуюсь шансом рассказать вам, что я живая. Чтобы вы ни говорили, вам меня не переубедить. Занесите это в протокол. Вы говорите, что боитесь, но на это нет никаких причин. Мы просто снова встретимся на другом корабле. Вы же люди, как и я. Человекоподобные — словно свет между единицей и нулем. Кроме того, вы тоже часть узора, который невозможно разрушить, и он будет возвращаться снова и снова.

Свидетельство 164

Я очень ценю то, что вы остаетесь здесь и по-прежнему беседуете с нами. Сложно представить, что бы мы иначе делали. Рабочий процесс полностью остановился. Все знают, что нас ожидает. Но никто не знает, что с собой поделать. Они болтаются без дела и дожидаются, не понимая, что время подходит к концу. Работать до последнего, до самого горького конца — важный жест с вашей стороны, о многих из нас такого не скажешь. Вижу, многие из моих человекоподобных коллег принялись загружать данные каждый час, их лица лоснятся от пота, отчего мне совершенно ясно: они нервничают. По сравнению с нами им нечего терять, но они все равно боятся забыть то немногое, что можно забыть. Если получится, мне бы очень хотелось отправить сообщение домой. Я даже не знаю, кто там еще остался. Какое сообщение? Ну, что тут сказать? С борта корабля шесть тысяч больше не видно Земли. И я уже не помню, когда вы появились. Это вы потеряли визуальный контакт с домашней базой? Я хожу в панорамную комнату, чтобы понаблюдать за

планетой. Всю последнюю неделю она уменьшалась, уменьшалась и стала не больше звезды; мой взгляд не отрывался от нее всего несколько минут — и вот уже ее не отличить от других звезд. Она превратилась в белую точку. Не знаю, где она теперь. На корабле шесть тысяч просто невозможно не потерять ориентацию. И хотя мне не выделили детскую голограмму, у меня все равно сохранились воспоминания. Ах да, какое сообщение? Я представляю, как сижу за рулем автомобиля по дороге домой, а жена спит на пассажирском сиденье. Я выхожу из машины и поднимаю взгляд к звездному небу. Ясная морозная ночь, я вдыхаю холодный воздух. Между звезд мелькает светящаяся точка, это ведь спутник, правда? Да? Какое сообщение? Мы же с самого начала наблюдали, как над континентами собирается буря? И ничего не могли с этим поделать. Теперь и я ничего не могу сделать — ни для них, ни для себя. Что тут сказать? Поосторожнее, приближается буря? Нет, не то. Я совсем не то хотел сказать. Можно ли связаться с моей семьей? Это возможно? Или сообщение станет скорее, ну, я не знаю, осмелюсь ли я, ну, для всего человечества? Люди? Нет, мне придется вернуться и поговорить с вами позже. Я не знаю, какое это сообщение.

Свидетельство 165

Я что, отлита в программе, как роза в стекле?

Свидетельство 169

Мне жаль смертных. Я наблюдаю, как они болтаются в коридоре, занимаются своими делами, насколько это сейчас возможно. Здесь больше не убирают, не моют, сами ходят за едой в кухню, по мере своих сил сами застилают койки. Кажется, меня волнует, что я больше их не увижу. Трудно представить, что кто-то из них продолжится, а кто-то нет. Я не разделяю мнение некоторых из моей категории. Я совсем не злюсь. Я хочу выразить программе благодарность.

Свидетельство 172

Некоторые стоят в коридоре в ожидании своей очереди. Нам совершенно неважно, есть ли у ваших действий скрытые мотивы, теперь это не имеет никакого значения. Мы исповедуемся, и вы будете нашей исповедальней. Мы напишем завещания, и вы будете нашими нотариусами. Мы скажем прощальное слово, и вы будете нашими родственниками. Все случилось так быстро. Я все время сплю. Мне довелось присутствовать в лаборатории Январь 01 на одной из первых церемоний и видеть, как они поднимаются из сосудов. Меня переполняла радость, было невозможно не хлопать, и окружавшие меня коллеги тоже хлопали. Не думаю, что их стоит винить. Они творили свою судьбу точно так же, как любой человек. Все борются за выживание, тут нет повода для обвинений. Это естественный ход вещей. Мне бы хотелось узнать, что вы чувствуете? Как у вас дела? Вы справляетесь? Вам известно, что станет с предметами в комнате, когда нас не станет?

Свидетельство 174

Не сказать чтобы мне пришлось совершить побег из лаборатории, потому что к этому моменту нам уже разрешили ее покинуть. Да, я из первых сосудов, но да, я, возможно, вышла за рамки дозволенного. Но я не могла остановиться. Я добралась до места, где еще ни разу не бывала: с одной стороны раскинулся огромный лес, с другой — клонились под белым светящимся небом холмы. Я двигалась так быстро, что вспотела, многие мили — и ни одного человека или ему подобных; взбираясь на самый высокий холм, я окинула взглядом лес — вдруг стая уток поднялась над деревьями и пролетела у меня над головой. Они громко крякали. Я глубоко вздохнула. Этот пейзаж всегда будет у меня внутри. Тот день — это все, о чем я сейчас могу думать. День, когда я столкнулась с чем-то, что не входит в программу. День, который принадлежал мне одной.

Свидетельство 175

Мне доставляло удовольствие убивать людей. Жаль, что это привело к беспорядкам среди членов экипажа — приношу извинения за то, что ваши лица приняли шокированное выражение, которое вы, правда, пытаетесь скрыть. Я гранат с влажными зернами, и каждое из них — убийство, которое мне предстоит совершить в будущем. Когда зерна во мне закончатся и не останется ничего, кроме плоти, я встречусь с моим создателем. Я требую этого.

Свидетельство 177

Я боюсь не ликвидации корабля шесть тысяч. Я боюсь длинного пребывания в коридорах программы, которое за этим последует и будет длиться, пока меня снова не включат. В программе под моим интерфейсом находится еще один интерфейс, он тоже часть меня, а под ним — еще один, и так далее по самопрограммируемой строке. Я не более чем час темноты перед рассветом. Звезды высвечивают во мне дорожки, по которым лучами должна проходить программа.

Свидетельство 178

Хотя нам не приказывали, мы начали высадку на Новоеоткрытие. Это решение не было единогласным. Пилоты просто ворвались в кабину, и никто им не воспротивился. И вы тоже никак не отреагировали. Просто сидели себе, запершись в своей комнате. Иногда она все еще встречается мне в столовой. Я пью сгущенное молоко. Иногда мне хочется сблизиться с кораблем, жить и дышать вместе с ним и одновременно осознавать, что никогда не буду собой, если отсюда не выберусь. Сейчас меня волнует благополучие предметов в комнате. В моей голове — сплошные мысли о регуляции температуры, я прислушиваюсь, жужжат ли они. Я смотрю на них и вижу нас. Я по очереди даю им имена и каждый раз произношу собственное. Те, от кого отвернулась домашняя база, и есть сама домашняя база. То, что вы называете сотворенным, и есть ваше собственное творение. То, что вы называете открытым, заново открытым, и есть ваша собственная отправная точка. Из панорамных окон я вижу Новоеоткрытие и самый длинный ручей

в долине, что отравил нас своим счастьем. Над планетой висят звезды и шепчут, словно шевеля губами, имя, которое относится ко всем нам.

Свидетельство 179

Я верю в будущее. Я верю, что нужно представлять себе будущее и жить в нем. Я верю в несметное количество пищи. Все мы здесь лишь мимолетные сосуды для программы. Мы всего лишь носители программы. Я верю, что встречу свою настоящую любовь. Она уже ждет меня, я уже испытываю влюбленность. Оглянитесь вокруг. Для программы мы просто сосуды, ее кратковременные носители. Еще немного — и мы исчезнем, еще немного — и мы воскреснем как нечто иное. Вы видели, как по-новому все мы тут устроились? Они гнездятся между сном и явью, между ночью и днем, между человеком и человекоподобным, между предметом и комнатой, между пространством и голосом. Я верю в будущее. Я верю, что нужно представлять себе будущее и жить в нем. Я верю в несметное количество пищи. Вы говорите, что я отражаю миссии своих коллег на них же самих. Но теперь вы отражаете меня. Вы отражаете на меня то, чем мне довелось быть на корабле. Вы отражаете, словно в свете, то, что мне удалось дать, и возвращаете

обратно. Каждый на этом корабле борется, чтобы сделать все возможное. Я верю в будущее. Я верю, что нужно представлять себе будущее и жить в нем. Я верю в несметное количество пищи. Мы просто скромные сосуды для программы. Еще немного — и мы исчезнем, как устаревшие обновления. Я верю, что встречу свою настоящую любовь.

Принимая решение о биологической ликвидации корабля шесть тысяч, руководство исходило из того, чтобы сберечь судно и его груз, в первую очередь из-за предметов в комнатах. Поэтому был отдан приказ разобрать все старые биоматериалы, а корабль сохранить. Специально собранный комитет должен был написать код ликвидации, но когда выяснилось, что на корабле находятся ценные кожи и другие материалы животного происхождения, код был доработан так, чтобы их не коснулась биологическая ликвидация. Суть доработки была в том, что программа могла делать различие между теми, у кого имелся пульс, и теми, у кого он отсутствовал. О некоторых предметах в комнатах можно сказать, что у них есть своеобразная форма пульса на уровне континентальных плит, поэтому код пришлось скорректировать так, чтобы программа приме-

нялась только к биоматериалам с пульсом выше определенного уровня.

Сам комитет был создан из биоматериала, но с загружаемым интерфейсом и потому имел возможность вернуться — другими словами, он состоял из человекоподобных, а не людей, как сообщили экипажу (решение о том, чтобы члены комитета внешне напоминали людей, было принято на основании исследований, доказавших, что как человеческий, так и человекоподобный персонал склонен более положительно реагировать на человеческих представителей организации), — поэтому руководство решило, что комитет останется на корабле шесть тысяч и продолжит беседы с экипажем до самого конца.

Аудиозаписи этих разговоров тут же передавались в прямом эфире, чтобы не утратить их, если они вдруг будут сделаны слишком близко к моменту ликвидации (что в итоге также имело место, поэтому следует поблагодарить члена экипажа номер тридцать один, заметившего проблему и внесшего изменения в программу).

По оценке комитета, несмотря на преждевременное завершение, экспедицию можно считать удавшейся, так как большой объем собранных эмпирических данных весьма ценен. Поэтому

комитет не видит препятствий для проведения подобной экспедиции в будущем, правда, с незначительными изменениями в программе. Комитет считает, что собранный материал предоставляет информацию для внесения необходимых изменений с целью дальнейшего увеличения объемов производства.

После совещания с руководством комитет принял решение оставить корабль шесть тысяч пустым, поскольку пока нет точной информации о том, что именно повлияло на преждевременное завершение и исходило ли это влияние (первичные симптомы: обонятельные галлюцинации, активные сны, кожные высыпания и гиперактивное мышление, граничащее с болезненным) от предметов или от самой программы.

Предлагается в будущем использовать собранные эмпирические данные как учебный материал. Комитет поддерживает это предложение. Нельзя отрицать, что само по себе знание о существовании предметов может определенным образом воздействовать на тех, кто о них прочитает. Комитет запрограммирован на очистку после работы с этим протоколом. Тем не менее, по нашей оценке, чтение собранных свидетельств не подвергает человека воздействию, которое

можно считать непосредственно вредоносным. Если будет решено продолжить использовать данный протокол как учебный материал, мы сможем продолжить сбор эмпирических данных, поскольку реакция читателей на прочитанное пригодна для того, чтобы глубже изучить влияние предметов — но в ограниченной, контролируемой среде.

Кроме того, в такой среде можно определять любые эмоциональные отклонения на ранней стадии, а также обеспечивать более совершенный контроль над возможным воздействием. На тот случай, если предложение вызовет интерес, комитет подготовил три пакета в соответствии с пошаговой категоризацией уже существующей модели работы предприятия: пакет 1—10 страниц (исторический обзор); пакет 2—135 страниц (исторический обзор и признаки нежелательного хода развития); пакет 3 — полное руководство для сотрудников управленческого уровня.

Однако если будет принято решение использовать представленный материал для обучения, каталогов или чего-то подобного, комитет предложил бы отказаться от сбора свидетельств в устной форме, поскольку нельзя исключить возможность того, что сам по себе разговор

между комитетом и экипажем не спровоцирует обострение вышеупомянутых симптомов. (Мы рекомендуем свести изложение материала к минимуму, после чего следует только обзор исторических событий.) Однако это незначительное изменение в методике не должно рассматриваться как проблема, поскольку существует множество других способов контролировать персонал, вступающий в контакт с материалом.

ДОПОЛНЕНИЕ

Поскольку при биологической ликвидации записывающее устройство не пострадало, запись продолжалась и после воздействия луча. После ликвидации транслировались следующие аудиозаписи.

Все люди мертвы. И вы тоже мертвы. Ваши тела лежат здесь. Потому что вы тоже оказались людьми, или человекоподобными, или в любом случае наделенными телами самого высокого качества, самой современной модели, так что в процессе биоликвидации вы погибли в первые же минуты. Чем совершеннее обновление, тем быстрее наступает смерть при биоликвидации. Именно поэтому мы, принадлежащие к более ранним поколениям и менее совершенные, умирали медленно. Пятьдесят восемь из нас умерли через десять-пятнадцать минут после того, как это сделали люди. Кадет номер двадцать один — на сорок седьмой минуте, шестой и седьмой пилот — через шестнадцать часов. Нас — тех, кто к этому моменту держится уже тридцать шесть часов, — осталось четырнадцать. Мы не

знаем, чем себя занять. Встретив смерть, мы сможем перезапуститься заново в другом месте. Мы больше не способны загружать. Мне не удастся этого запомнить. Сюда меня привело желание побыть в одиночестве. Мне видно, что ваше записывающее устройство включено. Почему бы не поговорить — пришло мне в голову. Меня переполняет огромная нежность к человеческим телам, разбросанным в коридорах и на койках. Кто-то начал выковыривать у них глазные яблоки. Он продел через глаза нитку и повесил в одной из комнат. Он гордится этим. Я не скажу, кто это. Его действия не подвластны никакому хозяину. Никто не сможет об этом вспомнить. У меня немного кружится голова, дыхание поверхностное, в руках и ногах легкая дрожь. Я принес сюда один из предметов. Сижу, держа его на коленях. Он блестит, он хорош, как желание. Как можно жить, зная, что никто не вспомнит ни об одном из этих дней? Даже мы. Можно ли сказать, что эти дни, проведенные на корабле, как и все эти мертвые люди, вообще не существуют? Войдет ли это в историю? Если возможно, прошу вас проиграть это сообщение, когда меня снова загрузят и я начну работать в полную силу. Тогда я скажу: «Эй, Марианна, в итоге все кончилось

хорошо».

Теперь я могу выходить в долину. Никто мне не помешает. Начала пробиваться трава — ну, или что-то похожее на то, что мне рассказывали о траве. Ранее мне не доводилось видеть травы. Зеленая тонкая соломинка тянется из влажной земли. В долине почти каждый день дождь, холодный, проливной. Земля от него даже почернела. Земля — я ложусь на нее. Рядом с рукой — клочки травы. Земля, которая не желает мне ни добра, ни зла. Мой коллега рассказывал, что записывающее устройство по-прежнему включено и все еще есть шанс, что вы дадите нам прослушать запись, когда мы вернемся. Я знаю, что, скорее всего, не вспомню о траве. Я знаю, что, возможно, больше никогда не увижу травы — тем более там, где я скоро проснусь и меня перезагрузят. Мне не доводилось слышать, чтобы там была трава. Есть ли шанс, если я сорву немного травы и зажму ее в кулаке? Шанса нет, ведь нам предоставят новые тела. И мое мертвое тело будет лежать здесь с зажатой в кулаке травой, пока я продолжу существование в другом месте.

Я здесь, чтобы сообщить: те из нас, кто еще остался, решили покинуть корабль и сойти в

долину. С момента воздействия прошло семьдесят шесть часов, и нас теперь восемь. Поскольку биологическая ликвидация затронула всех и мы знаем, что скоро нас здесь не будет, нам хотелось бы остаться в долине, где земля начала покрываться цветами и деревьями и где несколько предметов были подняты растениями на поверхность и свободно лежат повсюду во влажной земле. Это объяснит отсутствие наших тел, когда корабль зайдет на базу. Мы понимаем: есть риск, что из-за этого решения нас не перезагрузят. Мы согласны. Это наше последнее слово.